

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ТАМ,
ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ
СУДЬБЫ...

ДЕТЕКТИВ
ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

СЮЖЕТ
ДЛЯ
НЕБОЛЬШОГО
ОБМАНА

Лариса Соболева

Сюжет для небольшого обмана

«АСТ»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соболева Л.

Сюжет для небольшого обмана / Л. Соболева — «АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-087817-8

Немолодому состоятельному бизнесмену Даниилу Жало наплевать на пересуды в городе, на отвратительные скандалы с бывшей женой, на ссору с детьми: главное, что юная Ева любит его, а не его деньги, готова жить с ним хоть в шалаше. Сын Даниила Роман не доверяет Еве и собирается разорить отца. Роман хочет отомстить за горе матери и заодно проверить, насколько глубоки чувства нынешней отцовской супруги. Однажды Еву и дочь Даниила похищают. Казалось бы, причина на поверхности: большой выкуп. Однако преступники слишком долго не выдвигают никаких требований... Книга также выходила под названием «Бизнес-план неземной любви».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-087817-8

© Соболева Л., 2015
© АСТ, 2015

Лариса Соболева

Сюжет для небольшого обмана

© Л. Соболева

© ООО «Издательство АСТ», 2015

1

У ресторана затормозило желтое такси. Дверь приоткрылась, за ее верхний край схватились пальцы с неопрятно покрашенными ногтями, после чего женская нога нетвердо ступила на асфальт. Нога подвернулась, женщина, делавшая попытки выйти, ойкнула и плюхнулась назад. Взглянув на водителя, она чему-то рассмеялась, наверное, смешно ей стало от собственной неловкости, но он в ответ послал ей взгляд красноречивее слов: мол, выметайся, пьяная дура. И Виктория Яковлевна вымелась, держась за ручку, потому что боялась упасть. Она осмотрелась, увидела вход, лихо захлопнула дверь машины и при этом едва не рухнула наземь. Удержавшись на ногах, она удовлетворенно крикнула, провела ладонью по волосам и наметила маршрут – точно к входу в ресторан. Слегка растрепанная, в вечернем платье, горящем стразами, Виктория Яковлевна шла нетвердым шагом, ступни на высоких шпильках подворачивались, но она мужественно справлялась с ватными ногами и легким головокружением. Столкнувшись с охранником, Виктория Яковлевна пьяно пробормотала:

– Отойди, мальчик.

– Ваше приглашение? – не пускал ее вышибала.

Виктория Яковлевна хохотнула: ну и порядки тут у вас. Затем недолго рылась в сумочке, бросила это занятие, повесила ремешок на плечо, забыв защелкнуть замок, и оттолкнула амбала:

– Брысь с дороги!

Войдя внутрь, она остановилась у входа в зал, спрятавшись за шторой, внимательно рассматривала столы и плотно сидящих друг к другу людей. Здесь отмечают юбилей, она тоже решила сделать ба-альшой подарок юбиляру...

Юбилей дело противное. Потому что цифра прожитых лет складывается из двух пятерок, и это значит, что осталось совсем немного активной жизни, потом начнется существование.

Юбилей – дело нудное. Потому что длительные поздравления и пожелания одних и тех же благ действуют как снотворное. А бестактность гостей умиляла – все, как сговорились, желали здоровья, здоровья и здоровья, будто пожелать больше нечего. И вообще, что за намеки? Здоровьем Даниил Олегович не обделен, следовательно, это ехидные намеки.

Юбилей – дело суетливое. Потому что подготовка заняла массу времени, которое можно было использовать на более важные проблемы, не говоря о потраченных нервах.

Наконец, юбилей – дело дорогое. Вывалил на торжество Даниил Олегович... таких сумм не рисуют ни на одном официальном документе, иначе налоговые ищейки, которым известны все события в этом благословенном городе, начнут алчно клацать зубами, мол, откуда доходы, то да се. И никакие подарки не окупят чудовищных затрат. Но на юбилее настояла жена, ей отказать Даниил Олегович не мог. А если серьезно, то его огорчало одно обстоятельство – ни сын, ни дочь не пришли поздравить отца.

Стоя, он выслушал очередной панегирик (с обязательным пожеланием здоровья), улыбался как болван, лишь пригубил рюмку и поставил ее на стол – обильные возлияния уж точно приведут к полной потере того, о чем говорит тостующий. Юбиляр снял пиджак и галстук, закатывая рукава рубашки, покосился на пустой стул рядом. Куда делась жена? За весь вечер

она не выпила и бокала шампанского, а Ева его обожает, и не какой-нибудь газированный компот за сто рублей, а настоящее. Странно. Минут сорок назад она исчезла. То хоть развлекала его, комментируя на ухо поздравления, теперь одна тоска. Он взял двумя пальцами оливку, кинул в рот, ведь заняться нечем, кроме как жевать, а челюсти уже устали, потому двигались с трудом. Гости ели, переговариваясь друг с другом, часто обращались к нему с какой-нибудь пошлой шуткой. Слышимость отвратная, зал забит, словно братская могила, танцевать практически негде, хотя это самый большой ресторан в городе.

– Который час? – подавила зевок Агния, женщина вне возраста.

– Без пятнадцати десять, – взглянув на часики, ответила Елизавета Ивановна, педагог по образованию, сплетница по призванию. Среди бизнес-сброта она, пожалуй, единственная представительница обнищавшего народа, однако не так все просто. Муж у нее коммерсант, и Елизавета Ивановна пользуется всеми правами состоятельной жены.

– Скучища, – все же зевнула, прикрывая рот пальчиками с длинными ногтями, Агния. А вот она собственным горбом завоевала право считаться преуспевающей дамой – шутка ли, пять магазинов модной одежды. Начинала она с челночного бизнеса, до сих пор за шмотками по странам и континентам мотается сама.

– Я до двенадцати подожду, а раньше уйти неудобно.

– Потанцуй, время незаметно и пролетит.

– Никто не приглашает, – вздохнула Агния. – Что-то не вижу большого кента юбиляра – Хусаинова.

– Ты не знаешь? – подняла брови Елизавета Ивановна. – Его же грохнули.

– Да?! – в свою очередь, изогнула дугой брови Агния. – Когда?

– Ну, ты даешь. Неделю назад.

– Сколько новостей в нашем королевстве, жизнь кипит! Я приехала вчера, мне никто не сообщил.

– Потому что это уже не кипящая новость...

– О!..

Агния перевела на эстраду сонный взгляд, который заметно оживился. Туда выплыла принцесса в алом облаке шифона с гитарой в руках. Музыкант поставил стул на середину, принес два микрофона на штативах, один направил на гитару, другой – на очаровательный и красный ротик принцессы. Тамада взял третий микрофон:

– Минутку внимания!

Мало-помалу в зале наступила тишина, разумеется, всем стало безумно интересно, зачем это юная жена почтенного юбиляра вылезла на эстраду. Уж ей бы – думали многие – сидеть тихонечко рядом и делать вид, что она только родственница.

– Юбиляра хочет поздравить жена, ей слово, – объявил тамада.

– Милый, родной, любимый Нил, – заговорила принцесса с шокирующей откровенностью. Почему шокирующей? Да потому, что трудно поверить, что это воздушное и юное создание безумно любит мужа, старше ее более чем вдвое. – Я долго думала, что подарить, ведь у тебя есть все. Я дарю тебе то, что нельзя взять в руки, нельзя оценить, я дарю тебе песню, а вместе с ней мою любовь.

Струны гитары дрогнули, мелодичные переливы заполнили зал, а потом зазвучал старинный русский романс о любви и страсти. Голос Евы, глубокий и пронзительный, достойный большой сцены, проникал в души даже заядлых циников, настолько красиво она пела. И все слова предназначались ему одному – мужу. Слова и взгляд, светившийся счастьем и радостью, преданной любовью, – тоже ему. Правда, мелодия несколько грустная, а откровенное и восторженное чувство смущало присутствующих, гости переглядывались. Но Ева не видела всех этих уличающих, порицающих, обличающих лиц, иначе не смогла бы петь. Она смотрела только на мужа, пела только ему.

– Красивенькая девочка, – сказала Елизавета Ивановна тоном, каким говорят об увечьях, но никак не о достоинствах. Вторая фраза прозвучала не лучше: – Любит его.

– За такие бабки и я бы его любил, – сострил молодой человек, сидевший рядом с Лидией Ивановной, тут же внес уточнение: – Если бы он мне их давал.

– У вас, миленький, нет смазливого личика, – облила его ядом Елизавета Ивановна. – Нет таких пышных волос и испепеляющих глазок, такой безупречной юной фигурки. У вас, друг мой, нет никаких шансов.

Иногда Ева тянула высокую ноту, одновременно прикрывала глаза, и между бровями пролегла едва уловимая складка, но затем вновь голос набирал силу и облетал зал, а взгляд устремлялся на него, мужа. Конечно, возрастная разница между Евой и Даниилом Олеговичем наводила на определенные мысли, мол, брак по обоюдному расчету: она дает ему молодость, а он ей обеспечивает материальную базу, в общем-то тоже бизнес, и довольно-таки распространенный. Но Даниил Олегович словно выпил эликсира живительной силы, он переменялся, женившись на Еве, стал приятней в общении, энергичнее, веселее смотрит на жизнь, а раньше слыл пессимистом и брюзгой. Гости исподволь наблюдали то за юной женой, жадно ловя каждое ее движение, способное передать истинные чувства, то не сводили глаз с юбиляра. Да, его не узнать, разумеется, перемены приписывали Еве, это она превратила занудливого Даниила Олеговича в человека, переживающего вторую молодость... или, пожалуй, третью. Кстати, супруги везде бывают вместе, никто никогда не слышал, чтобы между ними происходили сцены, короче, идеальнейшая пара.

– А знаешь, я завидую ей, – сказала Агния. – Девочке не пришлось вкалывать до кровавого пота, рисковать, гробить здоровье и нервы. В юном возрасте она получила от судьбы блюдо с удачей.

– Интересно, что чувствует молодая дева, когда на нее лезет... папуля? – задумчиво и цинично произнесла Елизавета Ивановна.

– Посмотри на нее и поймешь. Ева просто тащится от него.

– Пока она воспринимает замужество как манную кашу с неба, – скептически заметила Елизавета Ивановна. – А что будет через пяток лет?

– Тогда и увидим, – ухмыльнулась Агния. – За пять лет она его доконает и станет молодой, обеспеченной вдовой.

– Ой, без «увидим» ясно, – слегка махнула рукой Елизавета Ивановна в знак отрицания. – Через пять лет... нет, много раньше она вззоет. Привыкнет к деньгам, ей будет казаться, что они у нее всегда были, и задумается: зачем же я слушаю по ночам храп старого вонючего козла? Захочется молодого, как она сама, кобеля, который неустанно будет трудиться в постели. У Нила сейчас переходный возраст, ему бессознательно хочется доказать всему свету, что он еще скакун, а не заморенный конь. Мужчины, особенно богатые, тяжело переживают старение. В этом смысле секс с молодой лошадкой как раз и поддерживает уверенность, что старость далеко-далеко. Но переходный возраст обычно быстро кончается, когда он завершится, наш юбиляр начнет считать рожки. Все же я в восторге от нее, ловко она надела ему хомут. Сколько ей? Лет двадцать пять? Сильна.

– Я что-то не слышала, чтобы бабы нашего возраста хомутали богатых мужиков, да еще женатых.

– И не услышишь, милая, – заверила ее Елизавета Ивановна. – Потому что такого в природе не существует. И не женится богатый на серенькой девушке, даже в любовницы не возьмет. А почему? Потому что красота – товар, который имеет спрос. Ты не задавалась вопросом, почему красивые женщины часто страшно злые? Не все, конечно, но подавляющее большинство. Потому что не всем удастся продать красоту за ту цену, которую себе назначили. Тут конкуренция почище, чем в бизнесе. Выдерживают те, кто получил классическое воспитание, у кого родители живут по установленным тысячелетиями традициям. Это мое наблюдение,

поэтому я категорична. Кстати, ты, дорогая, тоже можешь купить... хотя бы моего соседа. И он будет тебя любить, как ты пожелаешь, будет с упоением ласкать твоё дряблое тело и целовать целлюлит на всех конечностях. Верно, Лешенька?

Лешенька хотел оскорбиться, но передумал, ушел танцевать.

– А ведь даже не возразил, – расхохоталась Елизавета Ивановна.

Ева закончила песню под шквал аплодисментов, вернулась к мужу, который поцеловал ей руку и прильнул к губам. Послышался новый взрыв аплодисментов и одобрительные возгласы, словно здесь отмечали не юбилей, а свадьбу.

– Тебе понравилось? – заглянула в лицо мужу Ева.

– Конечно! – сиял он как золотая монета.

– Но это еще не все, мой главный подарок впереди. – Ева прижалась к нему, затем села на свое место. – А я проголодалась.

Музыканты заиграли и запели, гости танцевали, Даниил Олегович не сводил влюбленных глаз с Евы, которая с большим аппетитом поела блюда. Это чудо послано ему свыше, вся его жизнь с появлением Евы преобразилась. И пусть злые языки болтают что угодно, это от зависти. Когда он познакомился с Евой, она даже не знала, что он один из самых состоятельных людей города. Сначала встречались тайком, потом плюнули на пересуды и виделись открыто, нездоровый интерес к ним рос с космической скоростью, сплетни и помогли соединиться. Если поначалу Даниил Олегович сомневался, стоит ли круто менять свою жизнь, то после женитьбы сомнения улетучились, он стал счастливейшим из смертных.

Закончился танец, все рассаживались, официанты начали носить горячие блюда, и вдруг...

Да, всегда в момент взлета, пика удачи, в миг счастья надо ждать этого коварного «вдруг». Потому что нет постоянства на этом свете, и когда ты стоишь, расправив крылья, налетает оно, бьет под дых, а дальше ты несешься с высоты на острые камни. Даниил Олегович заledenел, услышав в микрофон до омерзения знакомый голос. На эстраде в длинном вечернем туалете стояла его бывшая, держа микрофон:

– Господа, минутку внимания! Вы слушали поздравление от нынешней жены Нила, а теперь послушайте от экс-жены... то есть от жены в отставке... В общем, от меня!

В зале наступила гробовая тишина, а большое скопление подвыпившего народа не так-то просто заставить умолкнуть. Ясно же, как божий день, что дело пахнет скандальчиком, какого в городе не видывали со времен его основания. Все замерли, у кого-то даже кусок застрял между ртом и желудком.

– Наступил кульминационный момент вечера, – ядовитым шепотом сказала Елизавета Ивановна. – А я, дура, не хотела идти.

– Перестань, – осадил ее Агния. – По-моему, это не смешно. Зачем она притащилась сюда? С дуба упала, что ли?

– С очень высокого, – подтвердила Елизавета Ивановна.

– Налейте, господа, в бокалы! – улыбаясь, говорила Виктория Яковлевна, широким жестом обведя зал. – Ну же, наливайте! Я произнесу тост. А мне кто-нибудь подаст бокал?

С ближайшего столика ей любезно поднесли бокальчик с шампанским, она поблагодарила, взяла и покачнулась, однако на ногах устояла, рассмеявшись от неловкости.

– Она пьяна, – в ужасе прошептала Ева, съездившись.

Даниил Олегович метнул молнии в сторону вышибал ресторана, один из которых протискивался к нему с видом напроказившего школьника.

– Итак, Нил, тебе стукнуло пятьдесят пять! – злорадно произнесла Виктория Яковлевна. Даниил Олегович набирал на мобиле номер, глядя на бывшую с лютой ненавистью. А она... О, боже, что она несла, да еще в микрофон! – Ты растолстел, полысел, обрюзг, вид у тебя

далеко не здоровый – мешки под глазами, кожа коричневого оттенка, наверное, печень барахлит. Но это ничего. Все пройдет, когда помрешь. Так вот, милый...

Охранник в это время протиснулся к Даниилу Олеговичу.

– Как она прошла? – прошипел, не раскрывая рта, юбиляр.

– Оттолкнула охрану, – оправдывался тот. – Не драться же с ней.

– Вы не имели права пускать в зал без приглашения.

– ...хочу тебе пожелать от всей души, чтобы ты не подох раньше времени, – с коварным оскалом, как показалось юбиляру, продолжала бывшая. – С молодой-то женой сил надо много, а мне страшно хочется посмотреть, как она тебя орогатит. И вообще, хочется увидеть, на что способна наша... матрешка. Что там она прячет внутри?

– Какого черта стоите? – зарычал Даниил Олегович на охранника. – Уберите ее! В холл выведите! Я следом приду.

Вышибала кинулся к эстраде. В это время в мобильнике послышалось «Алло!», Даниил Олегович отвернулся от публики, жаждавшей продолжения спектакля, заговорил с сыном:

– Срочно забери мать из кабака.

– Я не слышу, – сказал сын. – Повтори.

Не орать же! Даниил Олегович метнулся к выходу, но проход между стеной и стульями был слишком узок, чтобы проскочить быстро, пришлось ему крикнуть:

– Мать забери из ресторана!

– Буду через пять минут, я недалеко, – сообщил сын.

А Виктория Яковлевна подняла бокал выше головы и торжественно произнесла пожелания:

– За твое здоровье! Оно тебе пригодится. И за крепкие нервы! Пошел вон! – бросила она охраннику, пытавшемуся стащить ее с эстрады. – Я тебя прощаю, Нил, потому что ждет тебя нелегкая старость в одиночестве. Правда, при одном условии: если тебя не отравят, не придурят или не утопят в ванне. Да катись, болван! – отбрыкивалась она от охранника, хватавшего ее за платье. – И еще скажу: будешь ты локти кусать...

Охранник вскочил на эстраду, отнял у нее микрофон и отдал музыканту, затем забросил даму на плечо и пошел с ней к выходу. Она хохотала и била кулаками по его спине, слетели туфли, второй вышибала их подобрал. Впрочем, без микрофона гости слышали ядовитые выкрики жены в отставке:

– Ты еще не раз вспомнишь меня, погоди! Заодно запомни: это будет расплата...

Ее вынесли, наступила леденящая душу пауза в полнейшей тишине.

– Извините за инцидент, – громко сказал Даниил Олегович.

– Ребята, музыку! – встрепенулся тамада, внезапно вспомнивший о своих обязанностях.

Разумеется, в пляс никто не пустился, все сидели как прибитые, не зная, что делать и как реагировать на выходку. Кое-кто незаметно переговаривался шепотом, пожимая в недоумении плечами. Некоторые низко опускали головы, очевидно, пряча гомерический смех, который так и рвался наружу. Но были и такие, кому инцидент не пролился бальзамом на душу. Эти сидели нахмуренные, не зная, куда деться.

А Даниил Олегович поспешил выйти из зала. В фойе Виктория Яковлевна порывалась встать из кресла, над ней стояли два парня, опуская ее за плечи назад. Даниил Олегович подошел к ней, зло процедил:

– Довольна? Осрамилась на весь город.

– И тебе праздник изгадила, – самодовольно рассмеялась она, не испытывая ни капли угрызений совести и стыда за выходку.

– Ты истеричка и дура. Пьяная дура.

– Посмотрим, кто из нас дурак, – выкрикнула она агрессивно, после чего заговорила смирно, будто не о себе: – Моя жизнь прошла рядом с тобой. Лучшие годы, лучшие! Я жила

с тобой в коммуналке, подыхала от жары в Туркмении, когда ты работал вторым секретарем, родила тебе двоих детей, взяла на себя всю заботу о них и плюнула на свое призвание, когда ты делал карьеру. Я обеспечивала тебе покой и уют. Я сделала тебя, я! А потом ты меня выбросил, оставил тлеть в одиночестве. У меня нет больших денег, чтобы купить мужика и скоротать с ним старость, а ты купил себе сучку. Посмотри на себя в зеркало, разве может тебя любить молодая кобыла? Был бы хоть Домогаровым, я бы поверила, что ты способен увлечь юную особу. Но ты же заурядный, с брюхом нажитых накоплений, без шеи, с лысиной, ни кожей ни рожей не удался. Повторяю: ты купил эту дрянь. А я не могу. Мы не в равном положении, поэтому я бешусь. А не потому, что страдаю по тебе. Много чести. Даже если бы ты одумался, я бы не приняла тебя, потому что презираю и брезгую, как брезгуют, наступая в дерьмо. Верни мне потраченные годы, тогда я оставлю тебя в покое. А сейчас хорошенько запомни: покоя тебе не видать...

– Мама! – окликнул ее Роман, монолог он слышал весь, так как зашел в фойе на словах отца «пьяная дура». – Перестань унижаться.

– Сынок? – удивилась она. – Как ты здесь оказался?

– За тобой приехал. Иди в машину.

Виктория Яковлевна взяла в руки туфли, тяжело поднялась и поплелась к выходу, но вдруг остановилась, не оборачиваясь, отчетливо выговорила бывшему мужу абсолютно трезвым языком:

– Ты не все у меня отнял. Дети мои. Не твои! Запомни это: мои! Будь ты проклят вместе со своей тварью. Думаю, я поспрадную твоё бесчестье. Должна же я получить компенсацию за то, что так обманулась в тебе.

Она гордо вышла из ресторана, а Роман колюче уставился на отца. Ему тридцать четыре года, в пику отцу он открыл свое предприятие, создающее серьезную конкуренцию, и преуспевает ого-го как. Впрочем, Даниил Олегович радуется его успехам, а конкуренции не боится, так как создал достаточно мощное дело.

– Доволен? – хлестко спросил Роман.

В лице и позе сына явственно читался немой укор, одновременно он отгородился от отца невидимой стеной отчуждения.

– По-моему, сейчас жалости достоин я, – мрачно сказал Даниил Олегович. – Она испортила мой юбилей, выставила себя и меня на посмешище...

– Ты давно выставил себя на посмешище, – отчеканил Роман без жалости. – Извини, я на стороне матери.

– Знаю, – вздохнул Даниил Олегович. – И не осуждаю. Думаю, пройдет время, и ты меня поймешь, сын.

– Не пойму, – не оставил ему надежды он и пошел к выходу.

– Ты забыл меня поздравить с праздником.

– Поздравляю, – бросил Роман через плечо и ушел.

Остаток вечера прошел в натянутой атмосфере.

2

Он обрадовался окончанию банкета, равнодушно следил за погрузкой подарков и букетов в две машины, прощался с гостями, которые делали вид, будто ничего не стряслось. Мда, разговоров теперь хватит на месяц. Домой вернулись в половине второго ночи, шоферы помогли перенести дары в дом, наконец-то Даниил Олегович дал волю возмущению:

– Нет, какая идиотка! С кем я жил столько лет?! Опозорила меня, детей, себя на весь город! Завтра об этом только и будут языками месить!

– Нил, умоляю тебя, не кипятись, – обняла его Ева. – Ну, поговорят, через два дня потеряют интерес, через неделю вообще забудут.

– Да нет, моя бывшая пообещала, что покоя мне не видать. Не пойму, что ей надо? Квартира отличная, машина есть, я положил на ее имя деньги, если не будет транжирить, надолго хватит. Что еще ей нужно от меня?!

– Разве не понял? Ты ей нужен. Но я тебя не отдам, теперь нет.

Лицо Даниила Олеговича смягчилось, руки обняли тонкий стан Евы, губы поцеловали сначала в нос...

– погоди, – уперлась ладонями в его грудь она, загадочно улыбаясь. – Вечер еще не окончен. Мои подарки подарены не все.

– Что еще придумала? – протянул он капризно. – После сегодняшнего безобразия у меня оскомина на сюрпризы.

– Ничего не хочу слышать, – топнула ножкой Ева, сбросила туфли на высокой шпильке и побежала наверх, крикнув: – Зайдешь, когда я скажу! И не подглядывать!

Он вздохнул, сунул руки в карманы, постоял некоторое время, качая головой. Изгадила юбилей Виктоша, ух, как изгадила, стыдно людям в глаза смотреть.

– Жертва паршивая! – бубнил он, негодуя. – Ей хочется, чтобы ее жалели, а над ней смеются. Хохочут! Идиотка! Это я в ней ошибся, а не она.

А ведь пропасть между ними пролегла много раньше, когда Евы близко не было на горизонте. Он всю жизнь рос, а жена превращалась в рыхлую бабищу, интересы которой – поспать, пожрать, деток облизать. И пилила его сутками, и болезнями своими доставала, тогда как он не имел права заболеть даже на пару дней. Да с какой радости он обязан сносить каторгу и жить с женщиной, ставшей ему посторонней?

Но Виктоша это забыла или не хочет помнить, ей подошел бы вариант совместных мучений и обоюдный поворот на старость, согласилась бы она и на измены с его стороны, лишь бы все осталось как было. А он не хочет мучений, не хочет думать о предстоящей старости, которая не за горами. У него осталось каких-то пятнадцать лет активной жизни, так почему же он должен следовать морали? Разве не аморален сам факт – жить с нелюбимой, осточертевшей женщиной? Не аморально было встречаться с Евой тайком? Та не настаивала на женитьбе, напротив, соглашалась на редкие встречи.

Да и сам Даниил Олегович не так прост, как кажется. Прежде чем жениться, нанял детектива, тот докладывал, где и с кем она бывает без него. Так вот, порочащих связей сыщик не заметил, хотя следил за Евой два месяца! Бабок Даниил Олегович вывалил за это – жуть, зато получил доказательство, что эта женщина – верная и любящая. Ну что ей мешало в перерывах проводить время с молодыми людьми? Даниил Олегович и Ева встречались в основном в гостиницах, он долго скрывал истинное положение вещей. Светятся перед женщинами только кретины, а умные стараются не выставлять напоказ свое состояние. Потом он спешно развелся и сразу же сделал предложение, поставив перед фактом: я свободен. За два месяца Даниил Олегович закончил строительство дома под ключ, перед женитьбой привез Еву показать, где она будет жить. Женщина расстроилась:

– Это же огромные деньги... Ты что, богач?

– Ну, как тебе сказать... – улыбнулся он. – Не бедствую.

– А как же теперь я выйду за тебя замуж? Все будут думать, что из-за денег... Почему же мне так не повезло?

Он хохотал минут десять, потом обнял ее:

– А мне повезло. Хочу тебя успокоить, я грохнул на строительство почти все свои деньги. – Врал безбожно, дабы успокоить любимую.

– Тем более этот дом нам не подходит, за него же платить придется бешеные деньги. А обстановка? Ведь в комнаты нужна какая-то мебель, это тоже... Лучше продай его, а мы съездим в свадебное путешествие, это будет дешевле.

– Вот ты и займешься приятными хлопотами. Съездим и в круиз, раз тебе хочется. А я намерен начать новую жизнь, для этого нужен новый дом.

– Ну почему не подойдет квартира? Да я загнусь! Тут одной уборки...

– Эту проблему как-нибудь решим.

После пышной свадьбы Ева быстро привыкла к своему новому положению. Правда, когда Даниил Олегович привозил ее в дорогие магазины, она шарахалась от цен, а накупив всего, ехала домой, радуясь, как ребенок.

– Так как, – крутил он руль, ухмыляясь, – ты до сих пор недовольна, что вышла замуж за богатенького?

– Я похожа на ненормальную? – откровенно признавалась она, чем смешила его еще больше. – Господи! Как мне повезло! Я люблю тебя – раз, ношу дорогие вещи, о которых не мечтала, – два, живу во дворце – три, путешествую с тобой – четыре... За что мне все это? Я не заслужила. Как думаешь, боги не рассердятся на меня?

– За что?

– Нельзя быть слишком счастливой, я боюсь.

– Не бойся, отобьемся. От богов тоже.

Да нет, это ему повезло. И тоже, как Еве, немного страшновато, всегда есть в положительном доля отрицательного, например, испортились отношения с детьми. А сегодняшний инцидент – это вообще...

– Нил! Нил! – звала его из спальни Ева.

Даниил Олегович поднялся по лестнице, гадая, что она приготовила и почему так долго продержала его. У двери он все же спросил:

– Можно зайти?

– Входи! – торжественно сообщила она.

Даниил Олегович вошел и... вытаращил глаза, открыл рот. Посреди спальни стояла обнаженная Ева, полностью запакованная в прозрачный целлофан, в какой заворачивают цветы. Над ее макушкой красовался огромный синий бант, а над ним веер из целлофана. Ева лукаво посмеивалась, глядя на столбняк мужа.

– Как подарок? – наконец спросила она.

– Ничего подобного я и представить не мог, – сознался он и выглядел при этом дураком. – Как тебе в голову пришло?

– Я не сама придумала. Фильм «Игрушка» помнишь? Там мальчику принесли человека в коробке. Я подумала: почему бы и мне не соорудить нечто подобное? – Он подошел к ней и поцеловал ее через целлофан. – А целоваться лучше без обертки. Распакуй меня, хотя я могу и вылезти, но не хочу.

– Ты меня убила, – сдирая обертку, произнес он. – Мне ни за что не придумать равноценный подарок.

– Добью тебя чуть позже, а сейчас целуй свой подарок.

Не дожидаясь, когда он ее обнимет, Ева обхватила шею Даниила Олеговича, прильнула губами к его губам. Больше счастье трудно представить. Он любил ее так, как никогда не любил никого на свете. А злопыхатели ему пророчат импотенцию! У, злодеи! С Евой импотенция не наступит до ста лет. Это было прекрасное завершение испорченного вечера, а чуть позже, прижавшись к нему, Ева сказала:

– Ты способен принять еще один подарок?

– Еще?! – вышел он из состояния неги. – Кажется, нет.

– Но мой последний подарок не вытерпит до твоего следующего дня рождения. Так что, хочешь или не хочешь, а придется его принять. Ты готов?

– Ну, давай, неси, раз это последний подарок.

– Нести не придется. Я беременная. Вот!

– Что?! – приподнялся он.

– Уже семь недель.

Чем он заслужил столько чудес? К ним, правда, можно отнести и явление пьяной Виктоши – из разряда ужасов.

...Неделю спустя Ева вышла из парикмахерской слегка расстроенной: зонт не взяла, а накрапывал дождик. Понадеявшись, что обгонит близившийся ливень и успеет добежать до троллейбусной остановки, она ринулась бегом по тротуару. На середине пути дождь приударил, будто специально готовился вымочить Еву до нитки. Забежав под навес, она отерла воду с лица платком и выглянула на проезжую часть – не едет ли троллейбус или такси. Сверкнула молния, Ева отпрянула от дороги, вдруг остановился автомобиль, открылась дверца:

– Садись.

Это был Роман, сын мужа. Поколебавшись, Ева все-таки села в машину:

– Спасибо. Я не сообразила вызвать такси.

– Куда доставить?

– Домой, конечно.

Колеса взвизгнули, автомобиль помчался по улицам.

– Что же тебе папочка машину не купит? – спросил Роман, не окрашивая фразу.

Ева насторожилась, только сейчас подумала: а зачем он пригласил ее? Роман относится к ней с открытой неприязнью, попросту терпеть не может. Так почему? Он старше Евы, похож на отца, слегка полноват, но и черты матери в нем заметны. Особенно характером Роман пошел в мать, такой же непримиримый.

– Ты какого папочку имеешь в виду? – опасливо развернулась к нему Ева. – Своего или моего?

– Разумеется, моего, – мельком взглянув на нее, ответил он и переключился на дорогу. – У твоего бабок не хватит даже на приличный велосипед.

– Ты и это выяснил?

– А как же! Должен же я знать, в какие руки попал мой отец.

– Ну и в какие? – заводилась Ева.

– В хитрые, – благодушно улыбнулся Роман, будто сделал комплимент. – Хотя о тебе и твоих родителях соседи, знакомые, одноклассники и однокурсники отзываются неплохо, но это мало что меняет. Ты умная, хотя канаешь под простужку, а это наводит на негативные мысли.

– Мне чихать, кто и что обо мне думает. Я люблю Нила, для меня это главное, а не ваше злопыхательство.

– Стоп, Ева, не заливай про страстную любовь, я тебе не верю и никто не верит. Мой отец не тот мужчина, которого может полюбить молодая женщина просто так, потому что он это он.

– Почему ты так плохо думаешь о своем отце? – разгорячилась Ева. – Почему ты решил, что любят за внешность?

– Что ты, – усмехнулся он, – любят не только за внешность. Например, за ум, за выдающийся талант. Был бы мой отец писателем, научным светилом, известным артистом, я бы понял тебя. Но и тогда ты не имела бы права вползть в его семью, потому что достижения одного человека всегда обеспечиваются другим – в данном случае его женой, моей матерью. Кто-то создает условия, при которых достойный любви человек взлетает до заоблачных высот.

– Почему ты не ценишь в нем доброту, мягкость, великодушие, щедрость? Разве этого недостаточно, чтобы любить?

– Пустой базар. Ты любишь его бабки, это понятно даже кретину. Согласен, ты честно выполняешь правила, что достойно уважения. Но это пока.

– Чего ты хочешь? К чему твои словесные выкрутасы?

– Отвечу. – Он остановился у ворот дома, развернулся к ней корпусом. – Отец счастлив, пусть будет так, как он хочет, остальное рассудят небеса. Но должен тебя предупредить, Ева: если он ляжет в гроб по какой-то нелепой случайности, например оторвется шасси от самолета и случайно упадет ему на голову, я тебя порву на британский флаг. Вот тогда припомню, что ты разрушила нашу семью, отлучила его от меня, сестры, сделала несчастной маму. Ты расплатишься по полной программе, я буду безжалостным.

– Бред! – нервно хохотнула Ева, закатив глаза. – Вы сами отлучили себя от него. Кстати, Нил переживает. И раз ты желаешь отцу счастья, почему не помирись с ним?

– А мы не ссорились. Мы разошлись в морально-этических вопросах. Прости, я не умею жить под девизом «Плюй на все и береги здоровье», потому что не бездушен. Я вижу гораздо больше, чем тебе хотелось бы, и принимать твою фальшь – уволь, дорогая.

– А если я скажу, что беременна? – запальчиво спросила она с долей обиды. – Ты и сейчас будешь считать, что я фальшивлю?

– Молодец, – неопределенно высказался Роман. Неопределенно, потому что Еве было непонятно, как он отнесся к новости. Уточнять не пришлось, он сам пояснил свое отношение: – Это умный ход, отец, наверно, на седьмом небе. Понимаешь, Ева, мне не жаль отцовских денег, я самостоятельный парень, хватка у меня – отцу не снилось, дела мои идут в гору и очень быстро. Так что его уровня я достигну скоро. У меня есть только одно, но страстное желание: посмотреть на тебя, когда он разорится. А он разорится, мне недавно приснился вещий сон.

– Ничего, поживем в шалаше.

– Дай-то бог. Но не забывай, это молодые быстро подсказывают и несутся вскачь, пожилые люди ломаются. Да не в том суть. Ребенок... правильный ход. Потом отец напишет завещание, а потом... не берусь прогнозировать.

– Потом я сдам его в дом престарелых, – взорвалась Ева.

– Не исключаю. Мои предупреждения ты слышала, мотай на ус.

– Спасибо за доставку, – вылетела из машины Ева, но слезы сдержать уже не смогла и не могла уйти без последнего слова, чему не помешал ливень. – Вы можете сколько угодно злобствовать, но внести разлад между мной и Нилом вам не удастся. Все твои угрозы направлены на одно: хочешь запугать меня, чтобы я ушла от Нила. Этого не будет. И твое рвание о счастье отца – фальшь, которую ты якобы не любишь. Причина как раз в деньгах, вы уже делите наследство, хотя ваш отец здоров и полон сил. Прости, это мерзко.

Захлопнув дверцу авто, она рванула к воротам под издевательский хохот Романа и пляску дождя на асфальте.

Даниил Олегович вернулся вечером, стряхнув зонт в прихожей, крикнул:

– Ау-у! Я пришел! Почему меня не встречают? – Впервые за совместную жизнь молодая жена вышла к нему невеселой, чем удивила. – Что такое? Что-нибудь случилось?

– Нет, все нормально, – кисло улыбнулась она. – Ты голоден?

– Как зверь, – проходя в дом, сказал он. – Специально не перекусывал... Нет, мне не нравится твое настроение. У тебя глаза мокрые! Ну-ка, рассказывай.

Даниил Олегович увлек жену на диван, усадил рядом, как ни порывалась она встать и сначала подать ему ужин, он не позволил:

– Сначала объяснения, потом ужин, я потерплю. И так, кто тебя обидел до слез?

– Никто не обидел!

- Ты не умеешь лгать, Ева, выкладывай.
- Просто у меня состоялся неприятный разговор... мне он не понравился... я хочу его забыть.
- Но не можешь, – вывел он. – Ева, я бы не хотел, чтобы у тебя были от меня секреты. С кем ты разговаривала?
- С Романом. Начался дождь, он подвез меня... – И со слезами вперемежку она пересказала дословно диалог в машине. Даниил Олегович обнял жену за плечи, а сам задумался. – Ну вот, теперь и ты расстроился.
- Нет-нет, цыпленок, я не расстроился. Я озадачился. Понимаешь, всему есть предел, нельзя попустительствовать хамству. Ну-ка, принеси телефон.
- Ты хочешь звонить Роману? – ужаснулась она. – Не делай этого, не обостряй отношения, к хорошему обоюдные колкости не приведут. И потом, Нил, разве он не говорил тебе то же, что сказал сегодня мне?
- Раз ты не хочешь, не буду звонить, – легко отказался он.
- Не хочу, очень не хочу, – обрадовалась Ева и вдруг подозрительно сощурилась. – Что-то ты быстро согласился со мной... Нил, ты надумал поговорить с ним без меня?
- Я действительно передумал. Понимаешь, человек, который решил сделать гадость, не станет предупреждать.
- О чем ты?
- Хотя бы о том, что якобы я разорюсь. Его уверенность смешна, Роман решил тебя напугать, это ему удалось.
- Я не разорением напугана, – завелась Ева, щеки ее запылали от негодования. – Не смей так думать обо мне.
- Не буду, не буду, – поднял он слегка вверх руки и улыбнулся. – Что там у нас на ужин?
- Утка и салаты. Лично я бедности не боюсь, мне не привыкать к скромной жизни. Я о другом: нас не оставят в покое. Мы раздражаем. Это в Москве, в Питере и очень больших городах разрешено жить вместе людям разного возраста, а у нас не принято. Я не о Романе говорю, его-то как раз могу понять, это твой сын, я отняла тебя, как он считает. А другие... Я неосмотрительно поступила, когда пела на банкете, на меня так смотрели... Нельзя выставлять свое счастье напоказ, люди этого не любят. Не любят и не прощают.
- Да ладно, не бери в голову.
- Он обнял Еву, повел на кухню, воркуя на ушко, что не стоит никого слушать, иначе нервная система начнет трещать по швам.

3

Несомненно, Даниила Олеговича задело, что родной сын вмешивается в его жизнь, к тому же угрожает. Этому пора положить конец раз и навсегда. Недолго думая, он с утра поехал к сыну на комбинат. Секретарша попросила подождать, мол, Роман Даниилович контролирует запуск нового оборудования, просил не отвлекать. Даниил Олегович уселся на стул в приемной, закинул ногу на ногу, руки скрестил на груди, огляделся. Не богато, не респектабельно, а приемная и кабинет должны быть идеальны, это лицо фирмы.

Долгое время Роман работал у отца, Даниил Олегович неплохо платил ему, даже слишком хорошо. Когда папа ушел от матери, сын занял денег на свое предприятие, занял и у отца, причем дал расписку, когда обязуется вернуть долг, и вернул. Конечно, сам факт написания расписки родному отцу выглядел не лучшим образом, ведь Даниил Олегович не требовал этого, но оправдался сын тем, что жесткие условия подстегнут его к действиям. Помощь нужна временно, он хочет проверить, способен ли создать дело собственными силами. В общем-то похвальное рвение, сейчас сотни молодых людей висят на шеях родителей и ни к чему не стре-

мятся, совесть их не мучит, а все равно было неприятно. Роман купил здание, причем не выгнал прачечную, мастерскую по ремонту обуви и еще парочку мелких предприятий, а сдал им помещения в аренду. Затем приобрел оборудование, начал работать... Это было неожиданностью: он наладил выпуск той же продукции, что и отец, – полуфабрикатов.

Надо сказать, товар сына пользуется спросом. На чем делаются деньги? Безусловно, на обмане. Вместо положенных норм мяса и чего другого кладется меньше, зачастую и заменители сойдут – не масло, а маргарин, не мясо, а большая часть сои. Специями засыпал, присолил – в результате затраты окупаются с лихвой, прибыль получается аховая. Вкус, конечно, страдает, но студентам, занятым людям, у которых нет времени на приготовление пищи, а также ленивым и одиноким достаточно. Роман грубо нарушил заповедь пищевой продукции – чем меньше, тем лучше. У него блинчики с клубничным джемом – так с клубничным джемом, а не в пропорции одна штучка клубники на килограмм яблок. Его полуфабрикаты дороже, но их раскупали, а папины товары залеживались. Скрепя сердце, Даниил Олегович раскошелился и чуть-чуть улучшил качество.

Тем временем Роман обскакал его в ассортименте. Объявил по телевидению конкурс на лучшее изделие, годное к замораживанию, получил несколько оригинальных рецептов. Победителей наградил призами – кухонным комбайном, электрической мясорубкой, миксером, выдал поощрительные призы. Вручение показывали по телевидению помпезно, победители радовались. Реклама – двигатель торговли, продукция сына стала пользоваться бешеной популярностью, а папа терпел убытки, ведь срок годности продуктов ограничен.

Будь кто другой, наверняка захотелось бы пришить изворотливого конкурента, но Даниил Олегович взял голову в руки и нашел новые точки сбыта – близлежащие районные центры и деревни. Ну и? Сынуля туда протянул щупальца раньше папы! Даниил Олегович бесился недолго, потом признал, что мальчик – талантливый предприниматель, вынужден был потратить дополнительные деньги на рекламу, упаковку – сделать ее более привлекательной и... снизить цены.

Вот что такое честная конкуренция, о которой раньше Даниил Олегович понятия не имел: конкурентов убирал, конечно, не физически, а путем интриг и натравливания всяческих инспекций. С родным сыном он так поступить не мог, Даниил Олегович не разозлился, а завелся. Теперь его управляющие под страхом увольнения ломают ночами голову, что сделать для процветания фирмы. А сынок продолжил папину деятельность: открыл колбасный цех в деревне, где выращивают скот, арендовал несколько точек на рынке, там всегда очередь, остальные прилавки, папины в том числе, простаивают. Ходят слухи, будто Роман увлекся коневодством, но поскольку сын об этом не говорил ни слова, даже ни разу не упоминал о страсти к лошадям, Даниил Олегович решил, что слухи пустые. Вот так и живут. У Даниила Олеговича есть основания опасаться сына, и его «сон», который Роман рассказал жене, он рассматривал как угрозу не Еве, а конкретно ему. Но об этом он не будет с ним говорить.

Роман в белом халате влетел в приемную, как с пожара сорвался:

– Отец?! Проходи. – Когда папа вошел в кабинет, с брезгливостью рассматривая скромную и непрезентабельную обстановку, Роман направил ход его мыслей на деловую ноту: – Что у тебя? Извини, времени в обрез, не успеваю за всем уследить.

– Я не отниму у тебя много времени, – сказал, усаживаясь, Даниил Олегович. – Объясни, что значат твои вчерашние угрозы?

– Она еще и ябеда? – хмыкнул сын, но остался доволен, что угрозы дошли до отца.

– Ева очень расстроена, я из нее клещами вырвал...

– И все же вырвал, – подытожил Роман на самодовольной ухмылке.

– Перестань! – вскочил Даниил Олегович, в возбуждении заходил по кабинету. – Дайте спокойно жить, черт возьми!

– Кто ж тебе мешает? – закурил Роман.

– Вы! – бросил гневное обвинение папа. – Твоя мать. Ты. Все, кому наш союз с Евой стал поперек горла. Что вы от нас хотите? Я люблю ее, понимаешь? И хочу быть с ней, потому что с Евой у меня каждый день праздник.

– Любишь, – посерьезнел сын. – Нормально. И хочешь жить в празднике. Тоже понимаю. Но почему остальные должны страдать из-за твоего желания праздновать? Почему мама должна чувствовать себя несчастной, обиженной, стыдиться, что ты ее бросил? Каково ей, ты хоть раз задумался? Она же пьет. Раньше за ней пристрастия к алкоголю я не замечал, к тому же у нее слабое сердце. Каково Лельке? Ты забыл, что у тебя есть еще дочь, которая совсем немного отстала от возраста твоей бесценной новой жены. И Лельке стыдно из-за тебя, она стала неуправляемой. Но это же ты показал достойный пример, как отстаивать свободу. Мама пьет, Лелька бесится, а ты хочешь праздника? Ну, даешь...

– С мамой мы разошлись...

– ...когда у тебя появилась Ева, – закончил фразу сын. – Ты провоцировал мать на скандалы, я тому свидетель и твоя дочь, потому что делал это грубо. В тайне от нас начал строительство дома, кстати, о разводе тогда речи не шло. Ты методично шел к цели, не считаясь с нами. Знаешь, отец, есть еще обязательства перед теми, с кем провел многие годы. Не мать тебя предала, а ты ее. Все твои рассказы о безумной любви... у тебя обычный мужской климакс. Да-да, климакс, когда у мужиков сворачивает мозги набекрень, и перемещаются они в пах при виде смазливой, хитрой киски.

– Пошляк, – с чувством оскорбленного достоинства произнес Даниил Олегович. – И это мой сын? Я думал, ты станешь мне опорой, последователем...

– Я и так последователь, научился у тебя многому, за что благодарен. Но поощрять твою похоть не обязан, у меня есть принципы. И потом, папа, что ты хочешь от меня? Чтобы я признал Еву... кем? Твоей женой? Своей родственницей? Мачехой? При живой маме?

– Я прошу тебя не делать ей больно. – Даниил Олегович плюхнулся на стул, подался корпусом к сыну. – Годы я провел в бессмысленной борьбе за место под солнцем. Меня топили, я выплывал, прошел через заговоры, коварство, подхалимство. А все оказалось зря, вдруг раз – и в государстве переворот. Я вовремя отошел от власти, потому что понял: мое прошлое – это мутное болото, настоящее – зыбко и не устроено. Тогда я занялся конкретным делом и преуспел. Но за гонкой я превратился в мумию, почти в неживого. Думал, ничего по-настоящему радостного уже не будет. И вдруг Ева... все вокруг осветилось...

– Климакс, папа, – с сочувствием вздохнул сын. – Самый натуральный. Это любой доктор тебе скажет.

Даниил Олегович застыл на миг, потом покачал с сожалением головой:

– Нет, сейчас ты не поймешь меня. Когда тебе стукнет столько же, сколько мне сейчас, когда останется немного деятельной жизни, когда ты оглянешься назад и оценишь себя со стороны, тогда поймешь, почему я так поступил. Жаль, что у нас расхождения.

– У нас с тобой конкуренция, и более ничего.

– До свидания, сын.

В дверях он столкнулся с женщиной, тот поздоровался, пропустил Даниила Олеговича и вошел в кабинет. Роман поднялся ему навстречу, пожал руку:

– Присаживайтесь, Евгений Устинович. Мариночка, кофе! – крикнул секретарше и вернулся на свое законное место руководителя. – Чем порадуете?

– Я проверил точки... – начал доверительно посетитель. – В общем, придраться есть к чему. Ну, для начала штрафы за санитарное состояние. Далее – внезапная проверка предприятий. Вы же знаете, сколько существует нарушений при выпуске продукции...

– Э, нет, – хохотнул Роман. – Я не нарушаю, чтобы с вами не ссориться.

– Нарушения всегда можно найти, – доверительно сказал Евгений Устинович. – Идеала нет и быть не может, особенно в сфере пищевой промышленности. Но есть загвоздка. О санитарных проверках ему обязательно сообщат, у нас есть стукачи.

– Неужели? – наигранно огорчился Роман. – И никак нельзя, э...

– Знаете, как делают некоторые негодяи? Приносят тараканов в коробочке или обычную мышь, при проверке предприятия выпускают живность...

– Ай-яй-яй, как нехорошо. А штрафы крупные, да?

– Штрафы? Разные, но если постараться, то взятка будет дешевле. Я не уверен, что наши сотрудники откажутся от вознаграждения.

– Пусть дает, – согласился Роман. – Надо же людям как-то жить? А мы сделаем так: какую бы взятку он ни предложил, я дам столько же и еще, скажем, двадцать процентов сверху. Гулять – так гулять.

– Ну и последнее – калькуляция. Нормы пропорций наверняка не соблюдаются, это известный факт. Есть одна дама, калькуляция на ней, но она неподкупная, ему не удастся с ней договориться.

– Ей просто мало давали, он даст много, – заверил Роман.

– Как скажете. Вам не жаль денег?

– Я умею их зарабатывать. И сейчас озабочен только этим, поэтому хочу заставить отца работать на качество. Пока его продукция мешает лично мне развернуться. Согласитесь, если потребитель не доверяет отцу, то как он будет доверять сыну?

– Насколько мне известно, дела у вас неплохи, а ваш отец потерпит огромные убытки.

– Ничего, у папы денег много. Кстати, о деньгах... – Роман открыл сейф, достал пачку тысячных купюр. – Сто штук, это вам.

– Но я пока ничего не сделал. – А глаза его загорелись страсть как ярко. – Только план набросал.

– Это стимул. Не стесняйтесь, берите. Остальное заработаете, если, конечно, постараетесь.

Когда главное лицо санитарии ушло, Роман, допивая кофе, усмехнулся:

– Конкуренция, папа, вещь жестокая, ты меня этому научил собственными примерами. Я постараюсь предоставить твоей Еве эдемский шалаш, раз она о нем мечтает.

Альбина давно не виделась с Евой, поэтому слушала ее, ловя каждое слово и почти не раскрывая рта. А подруга перемежала рассказ то воспоминаниями о банкете и выходке обезумевшей бывшей жены мужа, то перескакивала на его сына Романа, перед которым у нее панический ужас, то возвращалась к мужу, рассказывая, какой он потрясающий человек. Из вороха восторгов и обид трудно было вычленить что-нибудь главное, кроме того, что у подружки жизнь бьет фонтаном, хорошо хоть не обухом по голове.

Пили мартини на кухне Альбины. Родители купили ей однокомнатную квартиру, она давно стремилась жить самостоятельно, а зарабатывала на хлеб с маслом уже сама. Альбина художник, расписывает платки, шторы, даже платья, картины пишет на ткани, и называется сие творчество – батик. Этой техникой в городе никто не владеет, впрочем, и в профессиональной области специалистов по батикку единицы. Альбина получает заказы, потому что у Катки есть расписанный шелковый шарф, а у Зинки нет; Зинка несется к Альбине: раскрась мне платок величиной с покрывало, но чтобы был лучше, чем у Катки. Таковы традиции в городе, и Альбина молит бога, чтобы они жили вечно. Многие ее работы побывали на выставках, были успешно проданы, правда, приходится крутиться самой, пробивать выставки, заявлять о себе. На вопрос, почему она не пишет картины маслом, как все нормальные художники, Альбина категорично отвечает:

– Назовите хоть одну женщину-художницу, к имени которой приписывают слово «великая». Нет такой. Масло любит мужчин, а батик их не выносит. Разве способен мужчина соединить душу изысканной ткани с танцем ковыля в степи под ветром? Нет, художнику-мужчине нужен задубевший холст и обилие жира на нем, в то время как батик можно написать одним цветом и передать все его градации.

Она не бросила работу, когда пришла Ева, соединяла краски, добиваясь определенного колорита, пробовала их на ткани, рисовала эскизы, слушая подругу, и курила. Ева выдохлась, ибо трещала три часа подряд.

– Да-а-а... – протянула Альбина. – С родственниками тебе не повезло, зато повезло с мужем. Ничего, что он старый, сейчас молодняк примитивный, невоспитанный, вульгарный...

– Кто старый? – возмутилась Ева. – Нил? Ты его не знаешь. Когда он говорит, становится юным и безумно красивым.

Альбина так и не познакомилась с мужем подруги, все недосуг. Когда Ева выходила замуж, она была в отъезде, потом молодые уехали в круиз, потом то работа, то другие дела. А если честно, Альбина не рвалась посмотреть на мужа Евы, боялась, он не понравится ей, пришлось бы врать из жалости, от чего было бы стыдно перед Евой и собой.

– Говорит? – улыбнулась Альбина. – Это хорошо, но... надо, чтобы и в постели он был энергичным. Красивым необязательно, все равно темно, а вот энергичным, что свойственно молодости, желательно. Иначе не успеешь ахнуть, как всю тебя облепят невроты.

Хотя она не намного старше Евы, всего на пять лет, но создавалось впечатление, будто ее возраст превышает паспортный. А все потому, что Альбина страшно умная, как считает Ева, поэтому к словам подруги она всегда прислушивалась. Но сейчас ей хотелось возражать и возражать:

– Выходит, ты у нас особенная, не такая, как все?

– В каком смысле? – озадачилась Альбина.

– Ты же вообще живешь без мужчины, и, как вижу, тебя не облепили невроты.

– Я другое дело. Мою сексуальную энергию кушает творчество. Иной раз сил хватает принять душ и постелить постель, а падаю я на нее уже спящей. Как ни хорошо тебе, но я думаю, народ прав, когда критически относится к неравным бракам.

– Мы с Нилом занимаемся любовью при свете, – сказала Ева, потупившись. – И он... у меня же были до него два парня... знаешь, они по сравнению с Нилом нолики.

– Тогда порядок. – Альбина уложила чистый лист ватмана на мольберт, принялась делать новые эскизы будущих шедевров. – Лучше пять лет провести в облаках, чем всю жизнь ползать по земле. А родственников его пошли подальше.

– Хочешь, познакомлю тебя с Романом? – вдруг предложила Ева. – Он не женат, преуспевает, немножко хам, но только по отношению ко мне.

– Нет, дорогая, мне бы тоже подошел старичок, вроде твоего мужа, – пошутила Альбина. – Хочется, чтобы меня любили, лелеяли, баловали, как тебя. И не обязательно богатый, не хочу попадать в зависимость.

– Тебе-то должно повезти больше, чем мне. Я по сравнению с тобой моль.

Это правда, природа поставила на Альбине жирный знак качества. Еву многие считают красивой, но сколько усилий надо приложить, чтобы создать такое мнение! А Альбина яркая даже без косметики, и статная, и смелая. Смелость проявляется во всем: в поведении, причем в наглость ее повадки не перерастают, и в умении одеваться – вкус отличный, и в манере общаться – в карман за словом не ползет, притом никакого амигошонства не позволяет.

– Жаль, что ты не хочешь познакомиться с Романом, думаю, ты бы его отвлекла от нас с Нилом.

– А, так ты хочешь использовать меня в корыстных целях? – шутливо нахмурилась Альбина. – Не стыдно?

– Стыдно, – простодушно призналась Ева. – Но я так хочу мира. И мне кажется, Роман неплохой, просто ревнует меня к отцу.

– Сколько лет Роману?

– Тридцать четыре.

– И он ревнует папочку? – прыснула Альбина. – Значит, задержался в подростковом возрасте, мне такой мальчик не подойдет.

– Ой! Сколько времени?

– Восемь. Чего всполошилась? Муж устроит скандал?

– Он уже давно дома, а меня нет, – бросилась к телефону Ева, набрала номер. – Нил? Это я. Не ругайся, я у подруги... У Альбины! Сто раз рассказывала о ней, она художник... Все, все, еду домой... Не надо, я на такси приеду, дом Альбины стоит возле проезжей дороги. Уже выхожу, жди. Целую. – Положив трубку, Ева засуетилась, собираясь. – Где моя сумочка?

– На тумбочке в прихожей. – Альбина вышла из кухни. – Тебя проводить?

– Нет-нет, ты вся в краске, пока переоденешься... Я понеслась. Пока.

Чмокнув Альбину, Ева сбежала по ступенькам, очутилась на улице. Свежий воздух ударил в голову, как вино, у подруги она угорела от сигаретного дыма.

Прошло два часа, стрелки показывали десять минут одиннадцатого, на его звонки Ева не отвечала – недоступна, возможно, разрядилась батарейка или она сама отключила трубку. Даниил Олегович то и дело выходил под навес дома, прислушивался к звукам машин – не к воротам ли они подъезжают. Нет, очередная проехала мимо. Даниил Олегович нервно курил, ибо дрянные мысли просачивались под череп – измена!

Нет, Ева же позвонила, сказала, что возвращается домой. Тогда почему ее до сих пор нет? Встретила знакомых и пошла с ними в кабак? У нее есть мобильный телефон, какого черта она не звонит? Зачем отключила телефон?

Измена! Это слово просачивалось в кровь, давило в груди, уничтожало все разумные доводы. Ева молоденькая, ей наверняка надоело коротать вечера с пожилым мужем, хочется шумных компаний, танцев, прогулок с такими же молодыми людьми. Она старалась быть верной и преданной, однако молодость берет свое. Значит, измена!

Даниил Олегович сатанел, посматривал на часы и всеми силами пытался вникнуть в то, что нашептывал разум. Ева же беременна, а он заподозрил ее в измене. Да она ни разу не подавала повода к подозрениям в неверности, никогда он не видел ее в плохом настроении, разве что после разговора с Романом. Так, может, сын и явился причиной? Он обошелся с Евой грубо, бестактно, угрожал ей. Что, если девочка испугалась угроз, решила уйти от греха подальше? Нет, тоже не убедительно.

Это становилось невыносимым. Куда же она делась? Главное, он не знал ни телефона, ни адреса Альбины, не мог ни поехать к ней, ни позвонить. Не рискнул справиться у родителей Евы, ночь ведь, они сразу ударятся в панику. Чушь! Если бы она заехала к ним, обязательно позвонила бы ему. Что могло случиться? Авария! Даниил Олегович похолодел и кинулся к телефону...

Леля вышла из молодежного клуба, где проходила дискотека, размахивая сумочкой и держа джинсовую курточку в другой руке, вприпрыжку сбежала по ступенькам. После душевного помещения разгоряченное тело мгновенно остыло. Июнь в этом году холоденький, и ветерок летним не назовешь. Она зажала сумку между коленями, надевая курточку, как вдруг услышала:

– Лелька! – Оглянулась. К ней подбежал юноша. – Ты куда одна?

– Домой, – огрызнулась девушка. – Иди к своей Светке.

– При чем тут Светка?! – вознегодовал он. – Пригласила меня она, не отказывать же!

– А я должна стоять как столб? – распаялась Леля, поставив руки на худенькие бедра. – Ты со мной пришел или со Светкой? Вот и катись к ней!

– Кто стоял? Ты?! А кто с Пестиком танцевал, когда я со Светкой...

– Гарик, – вдруг утихла Леля, но ее курносый носик сморщился на переносице, а ногой она угрожающе постукивала по асфальту. – Когда ты с ней танцевал, рожа у тебя была, как... как... растаявшее масло. – И Леля мстительно замолчала, проверяя реакцию друга. Затишье недолго длилось, вслед за ним последовала буря: – Ты знаешь, что я терпеть ее не могу, знаешь или нет? Значит, ты танцевал с ней мне назло.

– Да чего ты прицепилась ко мне с этой Светкой? – психанул Гарик, которого вообще-то зовут Лева. – Мне она до фонаря!

– Ребята, вы что, ссоритесь?

Не заметили, как к ним подошел Гошка, получивший кличку Пестик из-за длинной шеи. Он ходит в строгих костюмах, и тонкая шея, затянутая галстуком, выглядит вставленным в крахмальный воротничок пестиком.

– Я хочу домой, а этот... – высокомерно указала подбородком на Гарика Леля. – Этот меня не пускает. Права качает!

– Кто из нас права качает, – невесело хмыкнул Гарик. – Она из-за Светки взбесилась. Мне от тебя на шаг нельзя отойти, да?

– Надо было меня выбрать на должность друга, – сказал Пестик Леле. – Я бы от тебя не отходил и со Светкой не танцевал бы.

– Потому что тебя она не пригласила бы, – поддел его Гарик.

– Идите оба к черту, – буркнула Леля, отвернув от неверных мужчин личико. – Все вы одинаковые, я теперь точно это знаю.

– Ладно, Леля, не психуй, мы тебя проводим, – предложил Пестик.

– Только до такси! – поставила условие она.

Стоянка машин находилась за клубом, троица двинула прямо по дороге с односторонним движением. Не прошли и десяти метров, как сзади раздался рев мощного двигателя, в спину ударил свет фар, ребята шарахнулись в сторону. И вовремя это сделали. Секундой спустя автомобиль, пружиня на колесах и шипя шинами, оказался на том самом месте, где они только что стояли, и стал возле.

– Самоликвидаторы чертовы, – ругнулась Леля.

Не успела она договорить, из машины выпрыгнули двое. Леля всего два раза хлопнула глазами, ничего не понимая, только слыша удары. Гарик и Пестик упали на тротуар, а ее со спины подхватили стальные руки, оторвали от земли.

– Пусти, урод! – брыкалась она и хотела закричать, но ладонь закрыла рот. Ее тащили к машине. Леля мычала, отбиваясь изо всех возможных сил. Второй схватил за ноги, вдвоем они затолкали ее в автомобиль, сели сами и...

– Ммм... – застонал Пестик, сев. Пощупал скулу – болит.

– Че такое? – стал на четвереньки Гарик, слегка потряс головой. – Кто меня?.. Чуть все мозги не вышиб...

– А мне, кажется, скулу свернули. Кто это был?

– Где Лелька?

Пестик забыл про скулу, огляделся. Лельки не было.

4

Полпервого. Даниил Олегович обзвонил все больницы. Нет, сегодня пострадавших в результате аварии не поступало. А милиция? Каких только не случается курьезов! Он снова начал нажимать на клавиши аппарата, глядя в телефонную книгу, выискивая номера отделений, но Даниила Олеговича ждало очередное разочарование.

Час ночи. Он курил, не зная, куда обратиться и что предпринять. За свои пятьдесят пять впервые попал в ситуацию полной растерянности и беспомощности. Надеялся, что произошел нелепый случай и Ева вот-вот объявится, поэтому постоянно выходил под навес и ждал, высматривая в темноте ее фигуру...

Виктория Яковлевна тоже не спала, тоже смотрела на часы. Лелька клялась вернуться до двенадцати, а уже час ночи. Конечно, последнее время дочь невыносима, дерзит, болтается черт знает где, но домой возвращалась минута в минуту, как того требовала мать. Виктория Яковлевна не дозвонилась на мобильный – та не отвечала. Совсем отбилась от рук, и этого следовало ожидать. В какой-то момент, призналась себе Виктория Яковлевна, контроль был упущен. Наливая очередную рюмку коньяка, она ворчала с обидой:

– А всему виной папочка! Таким правильным прикидывался, таким честным, таким порядочным... Порядочная скотина. Господи! Не у него ли Лелька? – Выпила. Позвонила сыну: – Ромик, извини, что разбудила. Ты не скажешь номер телефона твоего папашки?

– Мама! – недовольно и сонно промямлил он. – Зачем? Зачем ты хочешь звонить ему? Не хватало, чтобы тебя привлекли за хулиганство.

– Да останись, в конце-то концов, – огрызнулась Виктория Яковлевна. – Лелька до сих пор не вернулась домой.

– Гуляет. У нее кавалеров куча...

– Ты спятил? Какие кавалеры ночью? Хочешь сказать, что она... спит с мальчиками?! Ей нет еще восемнадцати лет!

– Мама, девственность сейчас теряют значительно раньше. Или ты думаешь, она к отцу поехала? Зря, Лелька папу видеть не может, жену его тем более. На мобилу ей звонила?

– Звонила! – разревелась мать. – Она не отвечает. Дай телефон, хочу убедиться, что ее нет у отца. Не бойся, материть его не буду, мне сейчас не до него.

Роман продиктовал номер телефона.

... Часы в гостиной били по мозгам, отсчитывая удары маятником и усиливая панику. Даниил Олегович понял: случилось что-то страшное, но что именно? Куда делась Ева? Она же беременна! Вдруг выкидыш? Снова нажимал на клавиши телефонного аппарата, обзванивая больницы. С таким именем и фамилией женщин не поступало ни в сознании, ни без. Без сознания беременных вообще не поступало. Он ничего не понимал, выпил полстакана водки, вдруг раздался звонок, Даниил Олегович кинулся к телефону:

– Слушаю! Ева, ты?

– Это я, твоя совесть, – сказала Виктория Яковлевна.

– Чего надо? – взял он грубый тон.

– Не хами, парниша. Дочь у тебя?

– Какая дочь? – сразу не въехал он.

– А у тебя две дочери? – расхохоталась Виктория Яковлевна, потом заговорила желчно: – Да-да, у тебя теперь две дочери, вторая выполняет функцию наложницы. Я спрашиваю про мою дочь! – гаркнула в трубку так, что в ухе Даниила Олеговича едва не лопнула барабанная перепонка. – Мою дочь зовут Леля! Она у тебя?

- У меня ее нет. Она не приходит ко мне, ты разве не знаешь?
- Знаю. И правильно делает. Я просто проверяю.
- А что случилось? – спохватился он.
- Очнулся, папочка! Ничего! – и положила трубку.

Даниил Олегович потер лицо ладонями, избавляясь от усталости. Затем выпил еще, сел на диван в гостиной рядом с телефоном, сцепил пальцы в замок и закинул руки за голову. Он смотрел прямо перед собой на циферблат напольных часов, и откуда-то выплыла уверенность, что Ева сегодня не придет, возможно, никогда не придет. Он не знал причин, но внутри трубило: не придет... никогда... не придет... никогда...

...В два часа ночи раздался звонок, Виктория Яковлевна бросилась открывать, по ходу ругаясь вслух, чтобы непутевая дочь слышала слово в слово:

– Ну, я тебе покажу, мерзавка! Ты у меня сейчас получишь! Я так ремнем отделаю твою самостоятельную задницу, что надолго запомнишь, как не являться вовре...

Распахнув дверь, она осеклась на полуслове, видя нескольких человек. В первый момент испугалась бандитов, потом разглядела:

- Гарик? Пестик... то есть Гоша? А это кто?
- Это милиция, Виктория Яковлевна, – сказал Гарик.

Мальчики какие-то не такие... Ах, вон в чем дело: у Гарика заплыл глаз, у Пестика припухла скула. Нехорошие мысли посетили несчастную мать: Леля связалась с плохой компанией, ее забрали в милицию и приехали сообщить об этом. «Наркотики!» – ударила мысль. Молодые люди попадают в милицию из-за наркотиков. Неужели Леля связалась с наркоманами?

- Милиция?! – панически выговорила Виктория Яковлевна, едва не падая.
- Разрешите войти? – спросил один из двух милиционеров.

Четыре утра. На старую квартиру, которую Даниил Олегович благородно оставил старой жене, сбежалась почти вся семья, то есть все, кроме Лели. Бывший глава семейства примчался по требованию Романа, сидел в напряженной позе на диване и курил, держа пепельницу в руке. Виктория Яковлевна рыдала в кресле, периодически запивая слезы коньяком, Роман ходил из угла в угол. Милиция и друзья дочери ушли до приезда Даниила Олеговича, так что выслушать, как увезли его дочь, пришлось из вторых уст. Семейство минут пятнадцать молчало, самые страшные подозрения никто не решался высказать.

– Может, это ухажер Лельки, которого она отставила? – предположил Роман. – Решил припугнуть ее и...

– Я почему-то думаю о худшем, – захлебывалась слезами Виктория Яковлевна. – Только бы они оставили ее живой...

– Мама, вариант с изнасилованием тоже не лучший. Некоторые девушки попадают после этого в психушку и становятся неполноценными.

– Боже мой! – ужаснулась мама. – Боже мой! Моя девочка...

– Мальчики вообще ничего не заметили? – робко спросил Даниил Олегович. Он чувствовал себя чужим, хотя его и позвали на совет, переживал за дочь не меньше, чем Роман и бывшая жена. – Например, номер машины или марку...

– Они не видели ни тех парней, ни номера, ни цвета, ни марки машины, – отчеканил Роман. С отцом он общался отстраненно, словно с посторонним. – Все случилось слишком быстро, парни получили по удару в лицо и попадали. Когда пришли в себя, Лельку увезли, ребята обратились в милицию.

– Вдвоем не смогли защитить Лелю? – недоумевал папа.

– Да парни опомниться не успели, как их свалили, – защитил ребят Роман. – Те ублюдки ни слова не сказали, выскочили из машины и напали. Тактика внезапности, отец, поражает и без кулака, достаточно создать условия, затем огорошить и – человек в нокауте.

Шпилька, разумеется, в адрес отца, мол, он отправил мать в нокаут, когда ушел из дома, но Даниил Олегович разумно пропустил слова сына. Сейчас не это главное, а Лелька.

– Надо что-то делать, – простонала Виктория Яковлевна и потянулась к бутылке. – Ну что вы сидите?

Роман подошел к ней, отнял бутылку, поставил ее в шкаф. Мать упала на массивный подлокотник кресла и залилась очередным потоком слез, впрочем, слезы она выплакала, это была истерика.

– К сожалению, мы ничего не можем сделать, – опустил голову Даниил Олегович. Он думал и о Еве, только не решался заговорить о ней. – Сегодня же я обращусь к Щеглову, чтобы он снарядил ребят на поиски.

– Странная штука, – задумчиво сказал Роман, не обращаясь ни к кому. – Столько раз слышал о похищениях и пропажах людей, а воспринимал эти новости как легенду. Мне казалось, газеты стращают народ, зарабатывая на этом деньги, в то же время похищения уже перестали быть сенсацией.

– Роман, я сейчас в затруднительном положении... – бросил из кресла Даниил Олегович.

– Что такое? – без интереса спросил тот.

– Выйдем?

– Говори при маме.

Даниил Олегович поднял глаза на сына – холод получил в ответ. Но к тому времени он созрел окончательно, поэтому сказал:

– В восемь позвонила Ева, сказала, что возвращается от подруги... – Виктоша однозначно хмыкнула, дескать, не от подруги твоя Ева возвращалась, а от кое-кого поприятней. – Она не вернулась.

Тут уж Виктория Яковлевна сдержаться была не в состоянии, она вскочила с кресла, встала перед бывшим мужем и, выстреливая из тигриных глаз искрами, начала оглушительно орать:

– Ты думаешь о какой-то шлюшке, когда твою дочь украли?! Да знаешь, кто ты после этого? Дерьмо! Скажите, пожалуйста, Евочка не пришла домой. А на что ты рассчитывал? Уж не молодой кобель, силенки-то поубавились. В твоём возрасте только и остается – ждать рогов до небес. И если ты еще раз упомянешь имя своей сучки в моем доме, я тебе глаза выцарапаю, понял? Это из-за тебя Лелька стала шляться по дискотекам, раньше ее интересовала одна учеба. Ты ей подал пример.

Кто способен вынести оскорбления и обвинения? Только Даниил Олегович. А руки аж свело судорогой – так сильно было желание врезать ей по физиономии. Не врезал, потому что в чем-то бывшая жена права, однако он не допускал мысли, что она права во всем. Даниил Олегович давно отвык от чувства вины, жизненный путь складывался так, что приходилось выжигать в себе вину, щепетильность, сомнения, совесть тоже. А как иначе достигнуть успеха? Не сложилась карьера преуспевающего чиновника как раз по причинам морали, хотя еще в те знаменательные годы он избавился от многих принципов. Есть я, мои интересы, мои желания и моя жизнь, которая проносится, как вихрь. Если следовать теологическим учениям о душе, грехе и покаянии, то когда же тогда жить? Даниил Олегович прошел тернистый путь, достигая высот, которые виделись ему в цифрах и нулях, какие уж тут совесть и вина? Достиг. Глядь – на носу-то старость, подкрадывается, сволочь, и ты знаешь: ее не обойти, от нее не убежать, ее не убить или убьешь вместе с собой. А чего-то не хватало, что-то прошло мимо, где и что? Вдруг появилось трепетное, нежное создание – Ева. Так вот же оно – счастье. А раньше не было у него счастья. И то, что люди называют душой, ожило внутри Даниила Олеговича, расцвело.

Он забыл про годы, да и какие это годы – пятьдесят с хвостиком? Он забыл про опыт, познавал мир, как юноша, вместе с Евой. Но именно сегодня, когда украли дочь и неизвестно где Ева, вина защекотала нервы. Вина и сомнения – прав ли он был, когда подминал под свои интересы тех, кто был ему близок столько лет, не считаясь с ними? В семье он потерял право голоса.

– По-моему, ей пора отдохнуть, – только и вымолвил Даниил Олегович.

На этот раз сын не противоречил отцу, обнял мать за плечи и повел в спальню. Виктория Яковлевна действительно обессилела, шла вяло, сбросив руки, болтавшиеся, как плети, по бокам. Роман уложил ее, накрыл пледом и вернулся к отцу. Заложив руки в карманы брюк, он пристально уставился на папочку, которого, вероятно, бросила молоденькая половинка, а он в это не хочет верить. Поделом ему.

– Значит, Ева не вернулась? – спросил Роман, так как папа трагически молчал. – И что ты предполагаешь?

– Понимаешь, она позвонила, что едет домой, то есть предупредила меня. И не приехала. Больше не звонила, у нее есть трубка. Я звонил, телефон, видимо, отключен. Вдруг выясняется, Лелю увезли какие-то подонки... Не связано ли исчезновение Евы с кражей Лели? Как думаешь?

– Что я думаю по этому поводу, лучше не говорить.

– И ты как мать! – заскрежетал зубами Даниил Олегович. – Почему вы все считаете Еву дешевкой?

– Ну, не нравится мне она, не нравится, что тут поделаешь? Я не люблю шоколадных и пушистых, не люблю женщин-разрушительниц. В общем-то вы с ней похожи, вам только – дай. Вы не умеете говорить – на, не умеете дарить, только отнимать. В этом, папа, и есть проблема. А знаешь, что рождают ваши неумные желания?

– Опять читаешь мне морали? – На ссору у Даниила Олеговича не хватило сил, ночь подходила к концу, он не сомкнул глаз.

– И правду слушать не хочешь по той же причине. Но я все равно скажу. Ваши неумные желания порождают такие же неумные желания у других. Это я говорю, чтобы ты не удивлялся в будущем. А сейчас поехали, уже светает. Не знаю, где твоя Ева, меня она не колышет, а Лельку поищем за городом, может, те подонки бросили ее.

Глупо было надеяться найти Лельку на огромном загородном пространстве. Были случаи, когда девушек увозили, потом... о том, что с ними делали, отец и брат не хотели думать. Девушек чаще всего находили за городом в жутком состоянии. Да поди найди то место, где, возможно, лежит Леля. В таких случаях приходит понимание, что ты есть букашка, ни на что не способная. После бесплодных поисков Роман поехал на работу к двенадцати часам, а Даниил Олегович вернулся домой. Бродил по комнатам, выпил холодного чая стоя, съел кусок буженины с хлебом. В холодильнике еда, приготовленная Евой, да разогревать было лень. Потом он прилег на диван у телефона и, сам того не желая, отключился. Видимо, Виктоша права – возраст уж не тот, длительное бодрствование ему не под силу.

Проснулся внезапно, будто чья-то невидимая рука беспардонно толкнула его в грудь. Время... Сколько времени? Пять вечера! Как же он столько проспал? А Ева так и не вернулась. Даниил Олегович позвонил Виктоше, спросил, не слышно ли что о дочери, та ответила тусклым голосом:

– Нет. А твоя тварь вернулась?

– Виктория! – скрипнул он зубами, обуздывая ярость. – Не смей так говорить о Еве, тем более она беременна.

Новость о беременности преподнес исключительно в качестве контрибуции за все ее выпадки. Он представил Виктошу, застывшую с трубкой, представил ее вытянутую злобную

физиономию, получая заочное наслаждение. Однако она быстро нашлась, голос ее не дрогнул, яда имелось в словах предостаточно:

– От тебя? Или кто там поработал?

– Потому-то я и бросил тебя. – Подначки бывшей жены его не задели, уж слишком хорошо он знал Виктошу, знал, как задето ее самолюбие. – Ты циничная и злая, когда дело доходило до секса, у тебя то голова, то радикулит, то настроение не то...

– Потому что ты плохо этим занимался, – получил пощечину от нее.

– К тому же ты постарела, – понесло его. – Да, именно ты постарела, а не я. Мне хочется молодого тела, юных губ и страстного секса, чего с тобой никогда не случалось. Говоришь, я купил Еву? Ну и купил! Кому какое дело? Купил и доволен. Я все могу купить, а ты будешь сидеть со своей злобой одна.

Слова его были подлыми, он, конечно, понимал это, но накипело. В течение полутора лет (с того дня, как он ушел из прошлой семьи, прошло именно столько времени) Виктоша доставала его и Еву, звонила даже среди ночи, говорила гадости, угрожала. Однажды кинулась на мужа драться, еле отбилась от нее, апогей безобразия – юбилей. Стоило только припомнить банкет, как сводило скулы от ярости, наконец, и он отомстил. Отомстил больно, непорядочно, так ведь и она не считалась с ним, а он предлагал разойтись мирно. Это Виктоша превратила их отношения в войну, пусть не думает, что он тля бессловесная.

– Получила по соплям? – довольствовался он паузой.

– Знаешь, – абсолютно спокойно сказала отставная жена, – я получила кайф, слушая, как ты сам себя убеждаешь в том, чего нет. Не все у тебя гладко, это меня радует. Не забудь сделать анализы и установить отцовство, когда родится ребеночек, думаю, тебя будет ждать неприятный сюрприз...

– Полагаю, тебя тоже будет ждать сюрприз, потому что ребенок мой, – парировал Даниил Олегович.

– Жизнь покажет. И не звони больше, меня выворачивает от твоего голоса. Желаю не разочароваться, рогоносец.

В трубке слышались гудки. Вот змея подколотная, зомбирует его даже по телефону: рогоносец, рогоносец. Идиотка! Не удастся ей посеять раздор между ним и Евой.

Ева... Леля... Они же обе пропали, а он сводил счеты с Виктошей, упивался жалкой мстостью! Несolidно. Все, больше не поймается на удочку бывшей жены. Пора действовать решительно, поднимать на ноги милицию, ФСБ, прокуратуру, хоть всю страну с армией и флотом. Даниил Олегович спешно побрился, переделся и помчался к Валерию Викторовичу Щеглову, который занимается криминальными элементами, ко всему прочему, приятель, следовательно, не оставит друга в беде.

Остановившись около управы, он открыл дверцу, спустил ногу на тротуар, но тут зазвонил мобильник. Даниил Олегович, выбираясь из автомобиля, достал трубу, интуиция подсказала посмотреть на дисплей... И вдруг застыл в полусогнутом состоянии возле открытой дверцы, сердце тревожно забило, руки затряслись. Окошечко на мобильнике высвечивало... Лелька? Даниил Олегович поднес трубку к уху, срывающимся от волнения голосом произнес:

– Леля? Леля, говори, я слушаю...

– Папаша, не ходи туда.

Это была не Лелька, а мужчина. Молодой и незнакомый голос. Прилив крови к голове чуть не свалил Даниила Олеговича, затем отлив крови и – появилась слабость в ногах. Чувствуя, что сейчас рухнет наземь, он осторожно опустился на сиденье и хрипло выговорил:

– Кто вы?

– Позже узнаешь. Ни слова, папаша. Никому.

– О чем? – нашелся он, рассчитывая, что ему скажут о дочери.

– Сам догадываешься. Поворачивай домой.

Даниил Олегович беспокойно огляделся по сторонам. Вокруг машин полно, но ни в одной не заметил мужчину с мобильником. То, что за ним в данную минуту наблюдают, он догадался. Кто и где? Зря искал мужчину с трубкой, Лелькин телефон навороченный, с громкой связью, можно держать его на коленях и разговаривать. Все же кто и где? Пережил Даниил Олегович гадостные ощущения, словно находился на мушке. Также понял, что дочь у этого человека в руках, следовательно, он преследует некую цель.

– Папаша, домой! – вторично приказал голос в трубке.

– Не отключайтесь, – попросил он.

Из здания управы вышел Валерий Викторович Щеглов, направился к своему автомобилю, который стоял недалеко. Первый порыв Даниила Олеговича был броситься к нему, кричать: оцепи место, найди негодяя, который украл мою дочь, а может, и жену тоже, он где-то здесь, следит за мной! От глупого поступка удержала одна-единственная вещь: пока Даниил Олегович будет все объяснять Щеглову, негодяй уйдет. И что он тогда сделает с Лелькой? Нет, надо выполнить условие звонившего. Даниил Олегович завел мотор, торопливо выехал с места стоянки и снова поднес мобильник к уху, управляя одной рукой:

– Где моя дочь? У вас? А жена?

– Молчи, папаша, и все будет хорошо. А то твой треп будет дорого стоить.

– Где моя дочь и?..

Звонивший отключился от связи. Даниил Олегович поехал, куда ему приказали, то есть домой. Спутником его был совершенно дикий страх, доселе незнакомый ему. Даниил Олегович ощущал физически присутствие страха, плотную и невидимую массу, заполнившую салон и вытеснившую кислород. Он задыхался, машинально включил кондиционер. А страх не отпустил, продолжал сжигать воздух, тогда Даниил Олегович открыл окно... стало немного легче, но совсем чуть-чуть, будто появился узкий и длинный тоннель, куда он сможет нырнуть в случае опасности, однако это был обман. Даниил Олегович хотел сорвать галстук и расстегнуть верхние пуговицы рубашки, полагая, что душит его туго затянутый узел и ворот, а галстук вообще не надел и пуговицы были расстегнуты. Этот чертов страх уселся на грудную клетку, как мерзкая жаба, и давил, и душил...

Даниил Олегович резко остановился и заглушил мотор, после чего оглянулся – никого. Если за ним следили, то обязательно на машине. Район, в котором он жил и в котором возвел маленький дворец, глухой, дома здесь частные, одно- и двухэтажные, у него же терем из трех этажей. Улицы узкие и почти всегда безлюдные. Не увидев ни одной машины и ни одного человека, Даниил Олегович распахнул дверцу и откинулся на спинку сиденья. Так, полулежа, провел много времени. Поза была расслабленной, а мозг сконцентрировался на поиске выхода. Тщетно. Должен же быть какой-то выход! Почему его нет, почему? А какой выход, в чем он?

– Надо сначала определиться с целью, – пробормотал он вслух. – А цель – найти Лельку... Как же это сделать? Где искать? Кто звонил?

Даниил Олегович так и не выпустил из руки телефон, крутил руль, а трубку держал в руке. Вот-вот, надо позвонить. А кому? Кто способен помочь в том, чего он не понимает? Сын!

– Роман, – сказал он шепотом, почему-то казалось, что за ним и здесь следят, но невидимки. – Роман, срочно приезжай ко мне... срочно. Есть новости о Лельке.

– Еду, – отозвался Роман.

– погоди! Я жду тебя недалеко от дома... в машине... то есть на параллельной улице.

– Не понимаю...

– Потом объясню. Выезжай! Срочно!

Переговорив с сыном, Даниил Олегович упал головой на руль и ждал. Изредка он нервно оглядывался, но, не заметив никого из людей, снова падал на руль. Вечерело. Роман приехал через сорок минут, остановил автомобиль напротив, Даниил Олегович ринулся к нему, сел в машину:

- Не будем разговаривать в моей машине.
- Папа, ты не того?..
- Я не идиот! – прошипел папа. – За мной следят.

Рассказав о странном звонке, Даниил Олегович ждал, что скажет Роман, ждал идеи, от сына должно поступить дельное предложение, как быть дальше. Не бросит же Рома родную сестру на произвол судьбы, а у самого Даниила Олеговича идей не имелось, лишь паника и страх охватили всего. Довольно скоро он понял, что Роман в том же состоянии шока, потому и молчал так долго.

– Как думаешь, – не выдержал напряжения Даниил Олегович, – зачем он увез Лелю? Что он хочет?

– Во-первых, не он, а они, – натужно начал сын. – Их как минимум трое. Двое вырубili ребят и втолкнули Лельку в машину. Уехали мгновенно, значит, за рулем сидел третий. Вторых, я не знаю, чего они хотят. Обязательно скажут, уж поверь, раз затеяли похищение. Ну, первое, что приходит в голову... требуют выкуп.

– Выкуп?! – обалдел Даниил Олегович, затем беспомощно хохотнул. – Нет, это... бред. Украли Лельку с целью получить выкуп? Верить в такие сказки?

– Отец, где живешь? – покосился на папу сын, изобразив лицом сочувствие, какое выражают смертельно больному. – Ты телевизор смотришь, газеты читаешь? Похищение ребенка – один из способов отнятия денег.

– Нет, но обычно похитителей находят, судят...

– Кто тебе сказал? – хмыкнул Роман. – По статистике достаточно большая часть преступлений не раскрывается. Ну, если даже десять процентов или, к примеру, двадцать, да хоть тридцать. Ты хочешь попасть в эти проценты? И никто не хочет. Может, они по другой причине украли Лельку?

– По какой? – встрепенулся Даниил Олегович.

– Второе, что приходит в голову, – месть. Но в этом случае опасность для Лельки увеличивается вдвое. Кого ты нагрел? Вспоминай.

– Так сразу не припомнишь... – растерялся Даниил Олегович.

– Значит, такие люди есть?

– Да откуда я знаю! – взорвался папа. – Бизнес не гладильная доска, по которой легко скользить утюгом. Ну, приходилось иногда идти на крайние меры...

– Ты, отец, кидал людей?

– А ты никого не кидал?

– Видишь ли, папа... – назидательно начал сын: он явно испытывал удовольствие, поучая отца. – Я дорожу своей бесценной жизнью, это ты думаешь, что родился бессмертным. А по последним данным в нашем регионе убивают чаще тех, кто кидал своих партнеров. Вспомни плиточника, его убили по этой причине, вспомни директора рынка, своего друга Хусаинова. С ходу могу назвать человек пять-шесть. Поэтому я, папа, стараюсь нагреть только одного товарища – любимое государство. Да и то, когда на сто процентов уверен, что меня оно не поймает. А с людьми, папа, надо осторожно обращаться, иначе пулю заработаешь.

– Хорошо, но почему тогда украли мою дочь, а не меня... – Не повернулся язык сказать: «Почему меня не прихлопнули?»

– Этого я не знаю. Наверное, чтобы больней было.

– Третье что приходит в голову? – с надеждой спросил Даниил Олегович, которому два первых варианта очень не понравились.

– Больше версий нет. Кстати, Ева вернулась? – Папа лишь отрицательно покачал головой. – И что ты думаешь по этому поводу?

– Ничего, – хмуро сказал Даниил Олегович.

– М-да... – протянул Роман, уставившись в лобовое стекло. – Дело дрянь. Придется ждать, что они нам приготовили.

– Ждать? – расстроился папа. – Сколько ждать? Это невозможно! Представляешь, что творится с Лелькой? Она ведь совсем юная! Ей страшно. Я не знаю, где Ева, может, тоже у них... Ведь обе пропали вчера вечером. Давай подумаем, что мы можем сделать?

– Ничего, – обрубил надежду Роман. – Нам найти похитителей Лельки и отнять ее у них не под силу, ты должен это понимать. Надо обратиться в милицию, прокуратуру...

– Ни за что! – воскликнул Даниил Олегович. – Он мне приказал: не ходи туда. А я собрался идти к Валерию Викторовичу. И еще он сказал, чтобы я молчал.

– А ты и не ходи, пригласи его домой...

– С ума сошел?! Они следят за мной, возможно, прослушивают дом...

– Папа, – протянул Роман. – Это обычные бандюги, а не разведывательный центр. Нет у них прослушивающих устройств, пеленгаторов и прочей атрибутики шпионов.

– Думаешь? – с сомнением спросил Даниил Олегович, тот кивнул, мол, уверен. – Все равно мне не по себе. Как же встретиться со Щегловым?

– Ну, раз ты так боишься...

– Я перестраховываюсь, – уточнил Даниил Олегович.

– Давай съездим к нему домой. Или сделаем так: я сам к нему съезжу, а ты жди моего звонка. И запомни, матери ни слова.

– Идет, маме не скажу, – согласился он. – Но я поеду с тобой.

Даниил Олегович поставил свою машину в гараж, выждал время, за которое переоделся до неузнаваемости, и созвонился с соседями:

– Меня атакуют неизвестные выродки, а я хочу выяснить, кто это. Могу ли воспользоваться вашим выходом? Я перелезу через ограду и выйду от вас.

– Разумеется, всегда рады помочь.

По-другому и не должно быть, соседи обязаны помогать друг другу. Оставив в доме свет, он вышел через соседний двор в надвинутой на лоб кепке, в куртке с поднятым воротником и быстро зашагал, ссутулившись, вдоль тротуара. Да, меры предосторожности – сейчас наиглавнейшая вещь.

Щеглов выслушал все о похищении Лели, о странной, необъяснимой пропаже Евы и предупреждении «не ходить туда». Его грузное тело находилось в покое, а лицо в напряжении – он грозно хмурил брови, поджав губы. На столике стояла водка и закуски, но никто не притронулся ни к еде, ни к выпивке.

– У нас в год несколько случаев увоза девчат, – сказал Щеглов. – Дела заводили по факту изнасилования, в основном их отпускали...

– Что значит «в основном»? – насторожился Даниил Олегович.

– Это значит, что были случаи... убийств. Не пугайся, – поспешил он успокоить Даниила Олеговича, – ни в одном из происшествий в нашем городе родственникам похитители не звонили. О вчерашнем похищении я в курсе, а Ева, говоришь, тоже вчера пропала?

– Да.

– Ее родителям звонил?

– Ой, нет, боялся, – встрепенулся он и кинулся к телефону. – Алло... Это Даниил Олегович, здравствуйте. Ева к вам не заезжала?.. Да нет, просто жду ее, она к подруге поехала, пока не вернулась... Что вы, еще не поздно, девяти нет. Извините, пойду, выкачу машину из гаража, думаю, придется ехать за ней.

Даниил Олегович положил трубку на телефонный аппарат и сник, повесив голову. Дополнительных слов не нужно было, Евы у родителей нет.

– Заявление о пропаже принимают только через три дня, – сказал Щеглов. – Так что в любом случае придется ждать.

– Чего? – понуро спросил Даниил Олегович.

– И трех дней, и звонка тех, кто требовал от тебя, чтобы ты не ходил в управу, – объяснил Валерий Викторович. – Теперь о том, что я могу сделать. Во-первых, поставим на прослушивание твои телефоны, во-вторых, подготовимся к условиям.

– К каким условиям? – Даниил Олегович выглядел болваном, задавая примитивные вопросы, даже сын поморщился.

– Нил, те парни, что увезли Лелю, не насильники, понял? – сказал Щеглов. – Нет, я не исключаю подобный вариант, в то же время думаю, у них какая-то другая цель, иначе не звонили бы тебе. Позвонят еще, будь уверен, им что-то нужно, проклюнутся в ближайшее время. Работаем тихо, завтра я переговорю с Мокрицкой и попрошу ее взяться за поиски...

– С кем? – в самом вопросе Романа звучал протест. – С бабой? Да что она смыслит в этих делах?

– Не руби с ходу, – осадил его Щеглов. – Работала она в крупном городе аналитиком при уголовном розыске, соображает неплохо. Это не женщина, а... сам узнаешь. К тому же в милиции она новенькая, ее мало кто знает, перелетела сюда случайно, потому что замуж вышла. Вот так любовь ломает карьеру. Сейчас Мокрицкая на должности дознавателя, у нас ведь нет ставки аналитика, но занимается уголовными делами вместе с сыщиками. Подстегнешь ее рублем, Нил, и ребятам, которые с ней будут работать, кинь сколько-нибудь, чтобы стимулировать. Один человек с таким делом не справится, к тому же время не терпит. Надеюсь, она скоро выйдет на похитителей, ну а потом мы бросим все силы, чтобы забрать Лелю. Теперь давайте выпьем.

В десять Даниил Олегович и Роман вышли от Щеглова.

– Ты сейчас куда? – спросил отец сына.

– К маме. Она одна, ей нужна поддержка.

Даниил Олегович покивал, не смея сказать сыну, что ему тоже нужна поддержка, что он боится возвращаться домой. Еще поднимет на смех: жениться на молоденькой девушке не побоялся, а в доме находиться один боишься. К сожалению, между ними образовалась широкая и глубокая пропасть. Даниил Олегович прилагал старания, дабы вернуть расположение сына, сблизиться с ним, как было раньше, но... Роман при каждом новом шаге отца навстречу делает два шага назад, не подпуская его к себе. Проводив тоскливым взглядом авто сына, Даниил Олегович вошел в пустоту.

Дом, в котором было так уютно и мило, показался не только пустым, но и опасным. Никак не мог избавиться Даниил Олегович от ощущения, что не один в своей крепости. Не один! От этой мысли кидало в пот. Не один! А оружия он не имел, завтра же надо купить хотя бы пистолет. И автомат! Дома держать автомат, а при себе всегда иметь пистолет. Охрану бы неплохо нанять, нормальные люди давно живут с охраной. Фу, как противно одному!

Даниил Олегович взял в кладовой топор – все же оборонительное средство – и обошел все комнаты, заглянул в каждый угол... Звонок мобильного.

– Слушаю...

– Где ж ты был, папаша? – услышал тот же мужской голос, а определитель не показал номер звонившего.

– Вы?! Это вы?.. Где моя дочь?

– Если вякнешь кому, то найдешь свою дочь с перерезанной глоткой.

– Значит, она у вас? Дайте ей тру...

Гудки. Даниил Олегович стремглав кинулся вниз, намереваясь убраться из дома, но на лестнице замедлил шаг, а потом и вовсе остановился. Нет, сначала он позвонит сыну.

– Роман, ты?

– Конечно, я, – раздраженно сказал тот в трубку. – Что стряслось?
– Он звонил мне! Мужчина, который звонил днем.
– И что? Что сказал?
– Чтобы я не вякал, иначе Леле... глотку перережут.
– И все?
– Все. Они следят за моим домом.
– Давай переспим с этим, я чертовски устал, а думать будем завтра. Не бойся, если они и следят, то где-то снаружи, в твой дом просто так не пробраться.
– Кто тебе сказал, что я боюсь? Или ты считаешь отца трусом? – В следующий миг Даниил Олегович перешел на шепот: – А если у них Ева? У нее есть ключи.
– Поставь замки на предохранители, – рявкнул родной сын в трубку, не проявляя никакого сочувствия.
Попрощались. Только Даниил Олегович двинул к двери, как вдруг снова поступил звонок на мобильник, который он держал в руке.
– Папаша, сынка я тебе прощаю. А больше никому ни слова.
И все. Что это значит? Даниил Олегович действительно не один в доме? Но ведь проверил все комнаты, углы, щели... А если они изобретательны, как фокусники? Если умеют отвлечь внимание, переключить его, например, на гвоздь в стене, а сами тем временем к нему подбираются? Вдруг они уже в доме?
Не в состоянии больше оставаться в любимом гнезде, Даниил Олегович сел в машину и помчался в офис – там и сторож есть, и диван мягкий, и замки с сигнализациями. Туда мышь не проскочит – сто пудов. В конце концов, ему тоже надо выспаться, а то дуба даст запросто.

5

На следующий день в одиннадцать утра в кабинет дознавателя Мокрицкой заглянул Тимофей, улыбнулся:
– Мадама, вызывали-с?
Он один из немногих, кто по-настоящему уважал ее за ум, за бойцовский характер, за умение выглядеть стопроцентной леди, а шутивное «мадама» лишь подчеркивало дружеское отношение.
– Приглашала, – пропела Кристина, улыбаясь приветливо, можно подумать, она с нетерпением ждала свидания с ним. – Заходи, не стесняйся, располагайся.
Тимофей уселся напротив и поднял брови, мол, чего изволите? Кристина некоторое время рассматривала его круглое симпатичное лицо простака, наконец спросила:
– Как дела? Как Алька? Почему на свадьбу не приглашаешь, мерзавец?
– Ты оборзела? Позвала, чтобы это спросить?
– Нет, конечно, – полушутя ответила она. – Не хочешь поучаствовать в одном, думаю, интересном и негласном деле?
– Кого пришили? – заинтересовался Тимофей, подался корпусом к ней, положил на стол руки. А руки у него далеко не интеллигента, пальцы короткие и толстенькие, да и сам не худенький, крепкий, как кокосовый орех.
– Пока никого, – сказала Кристина. – Украла дочь одного мясника...
– Не, это неинтересно, – откинулся на спинку стула Тимофей. – Я люблю горы трупов, загадки и удары по нервам. Трупов нет? Значит, мне делать нечего.
– Тимочка, я тебя уже заказала.
– Шутишь? И когда намерена кончать?
– Прямо сейчас. Это личная просьба Щеглова, ну а я выдвинула ультиматум: работать буду только с тобой, если понадобится, то второго оперативника подберешь ты. Так что при-

дется без трупов обойтись, хотя они не исключены. Не дай бог, тьфу, тьфу, тьфу, – постучала она по столу.

– Без меня меня женили, – вздохнул Тимофей.

– Как же, тебя женишь! Раз на свадьбу не позвал, значит, до сих пор не женился. Я бы давно тебя бросила.

– Давай по существу, – кисло сказал Тимофей. – Что там есть?

– Да пока ничего. Позавчера, то есть второго июня, примерно в половине двенадцатого ночи семнадцатилетняя Леля Жало...

– Это что, у нее фамилия такая? – сморщился Тимофей.

– Фамилия, – кивнула Кристина. – Фамилию сменит, когда выйдет замуж, если доживет до этого счастливого дня. Девочка вышла из клуба, ну, что в сосновом бору.

– Знаю, знаю, там ни одной сосны нет.

– Есть две чахлые елки, как раз перед входом в клуб растут. С нею были два паренька. Подъехал автомобиль, из него выскочили двое и врезали мальчишкам по физиономиям. Девушку затащили в автомобиль и укатили. Это мне из протокола известно.

– Знаешь, я пару раз сталкивался с подобным похищением. Один раз насильников нам не удалось найти, во втором случае девушка забрала заявление и переселилась в квартиру со всеми удобствами, я имею в виду и мебель. По слухам, от нее откупились родители насильников, а я как пес гонял, не ел и не спал.

– Да ознакомилась я, только факта изнасилования в нашем случае пока нет. Отца предупредили по телефону, чтобы он молчал. Да, кстати! У этого же гражданина пропала жена в тот же вечер, когда увезли дочь, о местонахождении жены ничего не известно. Между прочим, с Даниилом Олеговичем Жало у меня назначена встреча, поэтому я вызвала тебя, поедем вместе. Придут два жала – Жало-отец и Жало-сын, от них узнаем подробности. Встреча назначена в кафе, потому что за Жалами следят и не разрешают к нам заглядывать даже на чай. Выметайся, едем.

Кристина закрыла кабинет на ключ, указала подбородком на выход. Она села за руль, рядом устроился Тимофей, тронулись в путь, ибо свидание назначено на окраине. В управе Кристину многие, особенно женщины, считали мужиком в юбке. Да, она строга, часто резка, иногда врежет языком – лучше бы по роже съездила. Но Тимофей отлично ладил с ней, потому что Кристина свойский парень, никогда не продаст, не подложит подлянку. Как это другие не видят – он недоумевал, зато остальные недоумевали, как он с ней может сотрудничать.

– Значит, папа у нас мясник, – сказал Тимофей. – Мясом торгует?

– Торгуют другие, а он заправляет, – прекрасно управляя автомобилем, ответила Кристина. – Сын тоже мясник, очевидно, на паях с папой, потому что выпускают они одну и ту же продукцию: полуфабрикаты, колбасы, копчености, торгуют и сырым мясом на рынке, короче, клан Жало.

– Не любишь предпринимателей, – констатировал он.

– Не люблю, – созналась она. – Там, где бешеные бабки, идет дешевая и грязная война. Мясо дает колоссальные прибыли, значит, пострадавшие граждане далеко не бедные люди, отсюда напрашивается известный вывод. И вообще, Тимочка, с нормальными людьми ничего экстремального не случается, а с жировиками через одного что-нибудь да происходит. Девочку жалко. Нехорошо, когда во взрослые игры вовлекают детей.

В кафе они прибыли раньше Жал, что с неудовольствием отметила Кристина, садясь за столик:

– Опоздывают. Ты голоден? Можешь заказать.

– За чей счет банкет? – схватил он меню со столика.

– Разумеется, не за наш. Кстати, нам обещано вознаграждение.

– Тогда я готов, а то у меня бабок мало. Так-с, посмотрим, чем тут травят...

Он сделал заказ – мясо и чай, Кристина заказала только кофе, его успели принести, а тут и два Жала нарисовались.

– Можно? – взявшись за спинку стула, спросил Даниил Олегович, которому Мокрицкую описал Щеглов.

– Садитесь, – указала жестом на стулья Кристина.

Пока два Жала рассаживались, Тимофей изучал обоих: сын удивительно похож на папу, просто клон какой-то, только молодой. Переведя взгляд на Кристину, он ужаснулся: она тоже изучала отца с сыном, но взгляд... ничего хорошего не сулил, начала она с замечания в резкой форме:

– Вы опоздали на двадцать минут.

– Извините, – сказал Роман, – мы специально кружили по городу, чтобы проверить, едут за нами или нет.

– В следующий раз будьте добры выезжать на двадцать минут раньше, – отчеканила Кристина. – Так. Обстоятельства нам известны, вы захватили фотографии?

– Конечно, – полез во внутренний карман пиджака Даниил Олегович, положил на стол несколько фотографий.

Кристина взяла снимки, разложила их, при этом лицо ее ничего не выражало. Подняв глаза на Даниила Олеговича, спросила:

– Кто из них кто?

– Вот, вот и вот... это дочь, – сказал тот смущенно. – А на этих жена.

Кристина никак не отреагировала на его слова, только рассматривала снимки, затем выбрала два и передала их Тимофею. Ну, а тот, едва увидев разные, но близкие по возрасту личики, выразил удивление, опустив углы губ вниз и вытаращив глаза. Потом взглянул на отца-мужа, его молчаливый вопрос гласил: вы не ошиблись, одна из этих девочек точно ваша жена? Кристина наступила ему на ногу, мол, ведешь ты себя хуже некуда.

– Моему отцу вчера звонили два раза, – доложил Роман. Кристина вскинула на него глаза цвета болотной тины, лишённые каких-либо признаков жизни, это не глаза, а протезы. Роман намеревался подробно рассказать о вчерашнем дне, но когда на тебя смотрит инквизитор, всякое желание пропадает. – После первого звонка отец позвонил мне, а как только переговорил со мной, они ему опять позвонили.

– Еще раз и подробнее, – сухо сказала она.

Никаких расшаркиваний, мол, извините, я не совсем поняла, кто и зачем звонил. На этот раз Тимофей слегка надавил краем кроссовки на носок туфли Кристины, намекнув: будь с клиентами понежнее. Лично он бы на месте мужиков бежал от такой следовательницы, ну совсем нет у барышни обаяния. Впрочем, Тимофей не прав, с ним она очень даже обаятельная, просто сейчас играет роль неприступной амазонки. К сожалению, люди не всегда правильно воспринимают участие и бесхитростное отношение, случается (и нередко) так: стоит им почувствовать себя на равных, как они тут же начинают демонстрировать право первой дуды в оркестре.

– Вчера я приехал домой от Валерия Викторовича Щеглова, – вступил Даниил Олегович, видя нежелание сына продолжать. – Мне позвонил парень, который запретил идти в милицию еще днем. Он спросил, где я пропадаю. Мне стало понятно, что он ведет наблюдение за моим домом. Естественно, я сразу же позвонил сыну, рассказал о звонке. И тут парень опять позвонил, сказал: «Сынка я тебе прощаю, а больше никому ни слова». У меня сложилось мнение, что я не один в доме, после этого уехал и ночевал в офисе.

– В таком случае мы поедем с вами, проверим дом на предмет прослушивающих устройств. И проверим, откуда вам поступали звонки.

– Знаете, я, честно говоря, боюсь, – признался Даниил Олегович. – Он угрожал, если расскажу кому-нибудь, то есть органам, он... перережет горло моей дочери.

– Ему от вас что-то нужно, поэтому звонит и запугивает, – сказала Кристина. – Думаю, будет шантажировать, точнее – вымогать деньги, следовательно, вреда не должен ей причинить. Допустим, он следит за вашим домом, а у нас на лбу не написано, кто мы есть. Поезжайте первыми, чтобы не вызывать подозрений у похитителей, а мы приедем чуть позже, так сказать, в гости пожалуем.

Отец и сын расплатились и удалились, оставив фотографии. Тимофей, перебирая снимки, произнес, стараясь не обидеть Кристину:

– Ты бы хоть немножко проявила сочувствие к отцу и брату.

– Обойдутся. Почему-то с ними эта история приключилась, значит, неспроста. Как тебе девочки? Ты понял, кто дочь, а кто жена?

– Да обе вроде одного возраста.

– Недавно у папы Жало был юбилей, полтинник с пятаком стукнул, и произошел там курьезный инцидент. На праздник прибыла бывшая жена и устроила скандал в ресторане.

– Откуда знаешь?

– Ой, Тимофей, ваш город – большая коммунальная квартира, все становится известным. Ну, если честно, Щеглов сегодня поведал, когда просил заняться этим делом, он был удостоен чести присутствовать на банкете. Короче, папа Жало развелся с женой, чтобы жениться на этой куколке, – ткнула Кристина пальцем в один из снимков.

– Что она в нем нашла? – поднял плечи Тимофей.

– Большую и красивую душу, – съязвила Кристина. – И маленький кошелек.

– Уж не думаешь ли ты, что первая жена, мечта досадить бывшему мужу, наняла парней, а те выкрали дочь? Жену – да, могла заказать, раз бесится. А дочь...

– Для того чтобы думать, надо знать цель похитителей, а цели мы не знаем, – покусывая чайную ложку, сказала Кристина. – Давай-ка сначала изобразим гостей и обшарим дом, а потом будем думать, что и как. Кого берем в помощники?

– Зураб подойдет? Он молодой, но ответственный и исполнительный.

– Отлично. Звони ему, пусть прихватит «щуп», но обязательно замаскирует, мы заедем за ним.

Давно не случалось, чтобы отец и сын ехали в одной машине, казалось, похищение Лельки вернуло человечность их отношениям. Это было бы неплохо, так как Даниил Олегович жаждал если не идиллии, то хотя бы призрачной гармонии. Роман, выкручивая руль, постоянно смотрел, едут ли за ними, но машин, преследующих его «девятку», как будто не было. Он успокоился, поехал неторопливо, все же не забывая смотреть назад, и ворчливо заявил:

– Не нравится мне эта Мокрицкая. Тоже мне, аналитик-дознаватель.

– Валерий Викторович рекомендовал ее как лучшего специалиста, – возразил отец. Настроение Даниила Олеговича после посещения кафе ухудшилось, оттого казалось, он сам не верил в то, что говорил. – Ты же сам слышал.

– Лучший специалист и следователь – это все мужской род. А Мокрицкая баба. Ты заметил, какие у нее глаза? Желтые! Как у крокодила. И повадки кобры. Сомневаюсь, что она поможет, не навредила бы. А что за пацан был с ней?

– Наверно, следователь.

– Непредставительный и молодой. Тем не менее он хотя бы мужчина, значит, что-то смыслит в подобных делах, раз работает по этой части.

– А ведь я был против обращения в органы, ты настаивал, – не сдержал упрек Даниил Олегович, честно говоря, ему тоже не пришлось по душе ни Мокрицкая, ни ее пацан, да теперь назад дороги нет. – Если нас пасли, то... не знаю, что они сделают с Лелей.

– Тогда я их сам найду и сделаю из них антрекоты, – зло процедил Роман. – Только знать бы, с чего начинать и кого искать.

В доме почти не разговаривали, объяснялись больше жестами и мимикой. У обоих сидело в мозжечке: подслушивают! Как – вопрос десятый, потому что наличие «жучка» в доме Даниила Олеговича обоим представлялось нереальным. Но перестраховка – лучший друг успеха, посему отец и сын молча пили кофе, ожидая Мокрицкую. В этом смысле от нее польза будет – проверят дом.

Снаружи громко и непрерывно сигнализировал автомобильный гудок, Даниил Олегович выглянул в окно. У ворот остановилась легковая, он выбежал навстречу «гостям», пригласил в дом. По пути во двор Кристина предупредила:

– Разговаривать только на отвлеченные темы, пока не обследуем помещения. – Войдя внутрь, она издала возглас восхищения и затрещала: – О, как здесь чудесно! Знакомьтесь, мои бойфренды, как сейчас говорят. Этого зовут Зураб, а этого Тимофей. Прекрасные парни. Вас не смущает, что я приехала не одна?

– Нет, что вы... – растерянно пробормотал Даниил Олегович.

– Не покажете ли ваш дворец? Всю жизнь мечтала о таком.

– Конечно, Кристина...

Даниил Олегович предложил начать осмотр сверху. Тимофей остался внизу, а Зураб со «щупом» двинул за Кристиной и хозяином дома.

– Роман, приготовь выпить и закусить, – сообразил бросить сыну отец.

Кристина подолгу задерживалась в каждой комнате на третьем этаже, их всего три, спрашивала, для чего они предназначены, оказалось, для гостей. Зураб не обнаружил подслушивающих устройств, собственно, искал он «жучки», так как обычно желающие знать чужие тайны ставят именно их. Батарей осматривала и ощупывала Кристина, трещка, как сорока:

– Ах, какая мебель... Роскошно! А какой интерьер...

– Все жена, она занималась подбором мебели.

И тому подобное. Перешли на второй этаж. В кабинете хозяина, пока Кристина рассматривала полки с книгами, Зураб сделал знак пальцами – есть. Под бюро и был прилеплен «жучок». Кристина тоже сделала ему знак, мол, не трогай. Еще один был найден в спальне, что уже забавляло Мокрицкую, она повеселела, а хозяин заметно побледнел.

Если говорить точнее, Даниил Олегович пребывал в совершеннейшем потрясении. Мой дом – моя крепость? В данном случае это выражение теряло всякий смысл. Вдобавок его поражало поведение Мокрицкой, она несла полный вздор, производила впечатление набитой дуры, которая восторгается пустяками, то есть обратное тому, которое он составил о ней в кафе. Каждый раз, когда Зураб поднимал руку и показывал сложенный указательный и большой пальцы, означавшие «есть», Даниил Олегович вздрагивал, словно у него обнаружили бомбу. «Бомбы» нашли в гостиной, бильярдной и на кухне.

– Шикарно, – упала на диван Кристина. – Изумительно. Супер! Ой, какие фотографии! – Она подскочила и ринулась к стене, указав на одну, где Даниил Олегович с Евой на лыжах. – Это где?

– В Швейцарии, – ответил он, с опаской покосившись на Романа, но тот словно не слышал ни его, ни Мокрицкую. – Мы с женой ездили туда этой зимой.

– Изумительно. Сколько снега! У нас снега бывает мало... – Она перешла к следующим фотографиям в рамочках.

– Это в Таиланде, – комментировал он. – Это снимки, сделанные в круизе.

– А почему вы такой грустный, Даниил Олегович? Может, мы не вовремя?

– Нет, что вы, – подыграл он, однако бездарно. – Просто у меня небольшие неприятности.

Что будете пить, Кристина?

– Шампанское. Обожаю шипучие напитки. А мальчики водку.

– Не, я не пью, – попятился Тимофей. Роман с бутылкой в руке недоверчиво покосился на него: как это не пьешь? Пришлось соврать, так как он действительно непьющий: – Я перепил недавно. Вчера.

– Давайте выпьем за нашу дружбу, Даниил Олегович? – предложила Кристина, взяв фужер. – Я обдумала ваше предложение и согласна на деловой союз. Полагаю, наше предприятие принесет результаты. Завтра жду вас в одиннадцать. А с Романом созвонюсь и переговорю чуть позже. У вас в доме столько вкуса... Покажите двор и гараж. Я собираюсь начать строительство, а проекты не нравятся, может, почерпну идеи от вас. Кстати, кто цветы сажал во дворе?

– Жена, – направляясь с «гостями» к выходу, более органично включился в игру Даниил Олегович, хотя его потряхивало из-за находок.

– Где же она? – осведомилась Кристина.

– Уехала. Я обязательно вас с ней познакомлю. Роман, захвати шампанское и бокалы, продолжим на воздухе, сегодня отличная погода.

Погода дрянь, серо-сизое небо висело низко, нагоняя мысли о скором дожде, который надоел за май. Даниил Олегович предложил расположиться под тентом за небольшим столиком, но шепотом выразил опасение, что и здесь их подслушают.

– Уверю вас, «жучков» во дворе нет, – сказала Кристина, усаживаясь в плетеное кресло. – Проблемы обсуждаются там, где никто из посторонних не услышит, то есть в доме, поэтому там и приладили. А здесь ограда каменная, высокая, за нами не смогут наблюдать, тем более подслушивать. А кто ваши соседи, кто живет напротив?

– Соседи справа и слева прекрасные люди, а напротив никого не знаю, – ответил Даниил Олегович, несколько успокоившись. – Я здесь поселился год назад, не со всеми познакомился.

– Понятно. – Что ей «понятно», было непонятно всем остальным. – Меня сейчас интересуется, как пропала ваша жена.

– Позвонила в восемь и сказала, что возвращается. Я предложил приехать за ней, но она отказалась, собралась вернуться на такси. И не вернулась. Я звонил ей, но Ева ни разу не ответила.

– А где была ваша жена?

– У подруги.

– Имя, фамилия, адрес подруги.

– В том-то и дело... я не знаю, – беспомощно взмахнул руками Даниил Олегович. – Зовут ее Альбина. Она художник... кажется, расписывает ткани. Мне о ней немного рассказывала Ева. Скажите, как попали... «жучки» в дом?

– Их поставил тот, кто бывает у вас.

Выражение лица Даниила Олеговича не нуждалось в комментариях, он был ошеломлен. Примитивная логика подсказывала, что сделал это кто-то из друзей-приятелей, других-то людей в доме не бывает. «Жучки», загадочное исчезновение Евы и похищение Лели связывались в одно: у Даниила Олеговича есть тайный и смертельно опасный враг.

– Не делайте пока выводов, не подозревайте всех подряд, – прочла его мысли Мокрицкая, чем немало смутила хозяйина, да что там – испугала пронизательностью. – Это мог сделать, например, сантехник, электрик, вернее, люди, которые прикинулись данными работниками. У вас ведь случаются домашние аварии? Кран течет или проводка не в ладу с электричеством?

– Пока не было, дом-то новый.

– Ну, а кто убирает? Домработница?

– Да, конечно. Дом большой, жене трудно за ним ухаживать...

Даниил Олегович почувствовал на себе тяжелый взгляд сына. Он робко посмотрел на Романа и по лицу прочел то, что для него не стало новостью и задело за живое: уничтожение,

насмешку, презрение – полный набор негатива по поводу заботы о молодой жене. Забывшись, Даниил Олегович ему, а не Мокрицкой нервно бросил:

– А готовит Ева сама, готовит потрясающе, хотя я предлагал нанять и кухарку. Жена категорически отказалась, она любит колдовать у плиты. Если что-то и случилось в доме, то Ева вызывала мастеров, я к этому касательств не имел. Я не знаю, где у нас стиральная машина находится и пылесос.

– Кто домработница? – задала следующий вопрос Кристина. – Где живет?

– Честно говоря, не знаю, – перевел на нее глаза Даниил Олегович. – Ее нанимала Ева, она убирала днем, когда меня не было дома. Кстати! К нам раз в неделю приходит женщина убирать двор.

– В дом заходит?

– Понятия не имею, она тоже не при мне убирает. Скажите, Кристина, а как быть с этими... «жучками»?

– Да пусть себе стоят.

– У меня в доме? Прослушивающие аппараты?!

– Вы хотите, чтобы мы сняли их? – усмехнулась Кристина. – Тогда похитители вашей дочери обо всем догадаются.

– Хорошо, не надо! – поднял он ладони. – Но что делать?

– Ждать, когда они выдвинут условия, а мы подумаем, как их взять. И вспомните, кто домработница, нам необходимо ее найти.

– Кажется, она приходила в понедельник и пятницу, а пятница завтра.

– В таком случае, на сегодня достаточно, до свидания.

Даниил Олегович растерянно глядел вслед Кристине и ее «бойфрендам», когда те выходили за ограду.

6

В машине Кристина полдороги молчала, но было видно, что ее не столько занимает движение, сколько отвлеченные мысли. Тимофей ерзал-ерзал, оглядывался на Зураба, тот дремал на заднем сиденье, пришлось самому начать:

– Мадама, ну и что бум делать? Ничего нет. С чего начнем?

– Не видишь – я думаю? – буркнула Кристина.

– Ты лучше в кабинете думай, а за рулем не надо, а то на столб наедешь, – промямлил Зураб с мягким грузинским акцентом, не открывая глаз.

– Во-первых, подождем до завтрашнего дня, когда придет домработница, – стала делиться планом Кристина.

– Думаешь, она придет за «жучками»? – хмыкнул Тимофей.

– Если не придет, то поставила их она. Во-вторых, действительно, надо подождать, когда похитители выдвинут условия. В-третьих, ты будешь звонить на трубки девочек, попробуем определить их местонахождение. В-четвертых, Зураб выяснит, кто живет в домах напротив. Если узнали, что папа Жало незаметно смылся из дома, то следили откуда-то поблизости. А чтобы следить, надо замаскироваться, в конце концов, не на дереве же сидеть.

– Может, по тишине в доме догадались? – предположил Тимофей.

– И это тоже, но не только. Кстати, ты заметил, у двух Жал нет единства. Как только речь зашла о Еве, Жало-сына аж перекосило, а папа перекос заметил. Кстати, завтра познакомимся с бывшей женой – это в-пятых, и в-шестых... попытаемся найти подругу-художницу.

– Как? – спросил Зураб.

– По имени. Полагаю, художники знают друг друга.

...Даниил Олегович потирал затылок, расхаживая по двору и глядя себе под ноги. Он шумно сопел и кряхтел, в то время как сын отнес в дом посуду, вышел и направился к воротам.

– Уезжаешь? – бросился наперерез ему отец.

– Хочешь, чтобы я караулил тебя? Извини, у меня производство, я обязан заботиться и о нем. Моим работникам глубоко плевать на наши проблемы, так что побеспокойся о себе сам.

Желчи в интонации не прозвучало, а топорный намек, что папа трус, Даниил Олегович понял. Это перебор, хотя он на самом деле боялся остаться один в пустом и большом доме, но намекать на страхи в данных обстоятельствах бестактно и жестоко. Даниил Олегович обиделся, только вот в чем проблема: выказать ничего не мог, потому что в свое время он тоже задел, а дошло это только сейчас. Впрочем, обида сына глупая, детская, Даниил Олегович имеет право жить как ему нравится, такое же право есть у всех людей.

– Меня не надо караулить, – миролюбиво, хотя внутри кипит, сказал он. – Считаю, нам тоже следует подумать вместе и решить, что делать. Я намерен искать похитителей.

– Ищи, – равнодушно шевельнул плечами Роман. Вторую фразу он не закончил, но отношение к Еве выразил именно недосказанностью: – А я поищу Альбину, подружку твоей...

– Как ты ее найдешь? – не стал обострять и без того хлипкие отношения Даниил Олегович. – Ни фамилии, ни адреса.

– У нас, как в цивилизованном городе, есть союз художников. Дамочек с именем Альбина, рисующих картинку, полагаю, считанные единицы. К вечеру я получу ее адрес и поеду к ней.

– Я с тобой поеду...

– Нет, – заявил Роман твердо, категорично. И снова от него веяло отторгающим холодом. – Я один переговорю с Альбиной.

И уехал. Даниил Олегович в сердцах пнул плетеное кресло ногой, оно отлетело к стене гаража. Он остался один на один с пустотой, неизвестностью и тревожностью. Некому послушать его, проявить участие, дать совет, да и просто пожалеть по-дружески или хотя бы выпить водки. Он перетасовывал в уме знакомых, пытаясь ответить себе на вопрос: кто из них друг, а друзей-то и нет. Были, конечно, пусть не близкие друзья, но приятели были. Когда он порвал с Виктошей, приятели почему-то взяли сторону бывшей жены, даже не осведомившись, в чем суть. Нет, они общались с ним, только отстраненно, многие на юбилей пожаловали, а к себе на празднества не звали, надо полагать, из-за Евы, других объяснений не имеется.

– Потому что глухая провинция, – зло процедил Даниил Олегович. – Ханжество кругом. Втихаря изменяют друг другу, а выйти из порочного круга не решаются и другим не дают. Лицемеры. Фарисеи хреновы.

Тщательно заперев дом, затем гараж и ворота, он поехал в офис, задыхаясь от обиды на тех, кого когда-то считал друзьями.

Обе трубки не принимали сигнала, но Зураб продолжал звонить через каждые десять минут. За это время выяснили, что два вчерашних звонка поступили Даниилу Олеговичу из разных таксофонов, которые расположены в центре города. Наконец под вечер Зураб сообщил:

– Есть. Трубка жены принимает сигнал.

– Ждем, сейчас сообщат, в каком районе она находится, – сказала Кристина, а через минуту раздался звонок, она сняла трубку с аппарата: – Мокрицкая... Угу... Понятно. Мы будем звонить на этот номер, когда подъедем на точку. – Кинув трубку, Кристина поднялась. – Мальчики, место определено, поехали. Тима, карту Октябрьского района захвати.

Спальный район – это бывший пустырь. Растительности здесь мало, оттого, подъезжая к городу, еще издали видится ровный ландшафт, утыканный высотками, прозванными в народе «свечками». По вечерам гулять по улицам опасно, это самое беспокойное место в городе,

где разбойные нападения, пьяные драки и тому подобное случаются чаще, чем хотелось бы жителям, да и правоохранительным службам.

Примчались туда через тридцать минут, сделали еще один звонок на мобильник Евы, после чего Кристина выяснила по телефону, откуда шел сигнал. Так звонили несколько раз, подбираясь к месту нахождения трубки, сверяясь с картой. Пришли к огромным мусорным бакам, которые стояли во дворе «свечек» прямо посередине. Еще раз позвонили и услышали слабый мелодичный звук.

– Трубка в мусорном баке, – сказал Тимофей.

– А тогда там же и хозяйка трубки, – сделал пессимистичный прогноз Зураб.

Предположение о наличии трупа в мусоре вздернуло всех троих, Кристина подошла к баку, заглянула в него – полон.

– Мальчики, перебрасываем мусор в соседний бак, – приказала она.

– Мадама, не пачкай свои ручки, – снимая джинсовую куртку, произнес Тимофей. – Мы сами, верно, Зураб?

– Надо возить перчатки, – буркнул тот, закатывая рукава.

Началась работа. Пренеприятная, надо сказать. Зураб перебрасывал мусор двумя пальцами и с брезгливой миной; Тимофей подгонял его, активно работая обеими руками, ибо омерзительное дело желательно выполнить быстро. Кристина стояла рядом, заглядывая в бак и периодически названивая на трубку Евы, иногда подсказывала, что выбросить в первую очередь.

– Интересно, в мусорном баке трупы находили? – поинтересовался Зураб.

– Трупы находили везде, – ответила Кристина. – Даже там, где их по логике не должно быть.

– Например? – не унимался Зураб.

– Потом примеры, блин! – возмутился Тимофей. – Быстрее давай, а то у меня аллергия разовьется.

– Что за люди? – ворчал Зураб, уже загребая все, что попадалось, обеими руками. – Мешки же есть. Собрал в мешок и выкинул. Никакой гигиены, честное слово.

– Ребята, звук четкий, он уже близко, – сказала Кристина, хотя без нее было слышно.

С другой стороны стало труднее брать мусор – бак наполовину опустошили, приходилось наклоняться, упираясь грудью в грязные края.

– Может, мне запрыгнуть туда? – предложил Тимофей.

– А если там труп? – возразила Кристина и огляделась. Во дворах чего только не валяется, она без труда нашла палку длиной сантиметров шестьдесят и принесла ее. – Тима, поддевай этим первобытным орудием.

Еще минут пять и – телефон оказался завернут в тонкий слой целлофана, сверху был перетянут резинкой. Тимофей показал мобильник Кристине, но та не взяла его, а хмурилась, словно что-то вычисляла, затем бросила:

– Ищи труп.

А сама принялась осматривать окна. Но что в них увидишь? Двенадцатиэтажные и шестнадцатиэтажные «свечки», окружившие неопрятный двор, нависали как исполины, зияя хищными проемами окон. Кто в каком окне наблюдает за ними – определить невозможно, но создавалось впечатление, что трубка в мусорном баке – некий трюк, на который купилась Кристина с ребятами. Впрочем, ей упрекать себя не в чем, однако она уже догадывалась, почему труба лежала в мусорном баке.

– Трупов нет, к счастью, – сообщил Тимофей.

– Ты хорошо смотрел? – осведомилась Кристина, все еще осматривая окна.

– Обижаешь, мадама.

– Брось трубку назад, – вдруг приказала она.

– Ты того? Вдруг на ней отпечатки пальцев?

– Нет там отпечатков, ее подбросили для нас, а чтобы она не испортилась от потеков, предусмотрительно завернули в целлофан. Умные ребята.

У Тимофея вытянулось лицо:

– Хочешь сказать, мы тут рылись, а за нами наблюдали?

– Похоже. Но я не ясновидящая, могу и ошибаться. Давайте оставим трубку, вдруг те, кто ее бросил в бак, придут проверить, здесь ли она. Зураб, останься, через час тебя сменят. Если кто-нибудь будет у бака звонить, задерживай без объяснений и разговоров.

Руки вымыли, попросившись в квартиру на первом этаже, слава богу, пустили, правда, пришлось Кристине, у которой руки остались чистыми, показать удостоверение. В машине Тимофей высказал свою версию:

– Слушай, тебе не кажется, что Ева там же, где и дочь папы Жало?

– Ее мобильник именно об этом говорит, а там... как знать.

За дверью низкий женский голос спросил:

– Кто?

– Мне нужна Альбина, подруга Евы, – сказал Роман. – Не бойтесь, я ничего плохого не сделаю. Меня зовут Роман, я сын ее мужа Даниила Олеговича, думаю, Ева рассказывала вам обо мне.

Щелкнули замки, дверь приоткрылась, на него с откровенным интересом уставилась потрясающе красивая молодая женщина. Конечно, глаза, губы, нос, брови – это важно, но ее одежда испортила впечатление. Роман плохо знал профессию художников, поэтому был шокирован обтягивающим комбинезоном в жутких пятнах, потеках и разводах всех цветов радуги, короче, перед ним предстала типичная неряха. Видимо, на его лице отразились мысли, что заставило Альбину усмехнуться и оправдаться:

– Извините за вид, я работаю дома, чтобы не тратить деньги на мастерскую. Что вам нужно?

– Вот мой паспорт, – протянул Роман раскрытую книжечку. – Мне надо поговорить с вами. Я не маньяк и не грабитель.

– Ну, ладно, заходите, – шире распахнула она дверь и отступила.

С непривычки Роману сложно было воспринять жилое помещение с исключительно рабочей атмосферой. Половина комнаты выглядела как обычное жилье с минимумом мебели, а вторая половина захламлена баночками, кисточками, утюгами, фенами (обычными, для волос), тканями и рамами. Вдобавок на полках лежали молотки, пассатижи, гвозди, зубные щетки, выкрашенные в разные цвета... Одним словом, редкостный бардак.

– Присаживайтесь, – разрешила Альбина. – Может, чаю или кофе?

Взглянув на ее руки и представив, что этими грязными пальцами она будет заваривать чай, он отказался:

– Не стоит.

– Ну как хотите. У меня в субботу выставка, я, с вашего позволения, продолжу работать.

Альбина подошла к столу, на котором лежала рама с натянутой тканью, включила лампу и начала размазывать (иначе не скажешь) краски.

– Вы хорошо знаете Еву? – спросил Роман.

Взглянув на него исподлобья, Альбина, зная по рассказам подруги обо всех перипетиях, связанных с бывшей семейкой мужа Евы, едва удержала улыбку. Ясно же, зачем приперся сынок и с порога задал такой дубовый вопрос.

– Прекрасно, – ответила она и тоже кинула провокационный вопрос, но тон избрала насмешливый: – А что такое?

– Она пропала.

– Как это? – Будто искусно нарисованные, брови Альбины взлетели вверх, тем не менее, судя по улыбке, она не поверила сказанному.

– Ну как пропадают люди? – хмыкнул Роман. – Так и пропала. Позавчера Ева была у вас?

– Да, – растерялась Альбина, постепенно осмысливая слово «пропала». – Мы часа три болтали, потом она позвонила мужу... то есть вашему отцу, сказала, что едет. И убежала.

– К моему отцу она не вернулась. Вы знаете, где она может быть?

– Странный вопрос, скажу я вам...

Альбина разволновалась, не понимая, куда могла деться Ева. Однако волнение показать этому прохвосту, прессующему подругу, которая постоять за себя не умеет, – много чести. Бросив работу, она оседлала стул напротив него, сложив руки на спинке:

– Что значит – где она может быть? Вы подозреваете ее в нечестных поступках?

А Роман был чертовски спокоен и смотрел на нее как на соучастницу неизвестно чего, что стало раздражать Альбину.

– Я этого не говорил, – сказал он. – А спросил: где еще она может быть? Если вы что-то знаете, то прошу вас, скажите...

– Вы, кажется, намекаете, что Ева убежала с бойфрендом, не поставив в известность вашего отца и вас?

От бредовой идеи, высказанной вслух, Альбина расхохоталась. Он же отметил про себя, что она умна, понимает с полуслова, вместе с тем ее интонация была окрашена ехидным намеком, мол, папа и вы – два болвана, а смех издевательским. Самолюбие у Романа выше его роста, смешки над собой он не выносил, отсюда начал потихоньку заводится, сдерживало его одно обстоятельство – чужая территория.

Поскольку нежданный гость молчал, что, в сущности, подтверждало высказанную догадку, к тому же и желваки на его скулах ходили как механизмы, и глаза побелели, Альбина приступила отчитывать его скороговоркой, не постеснявшись произвести плохое впечатление:

– Как вам не стыдно? Чего вы лезете в чужую постель? Ваш отец встретил свое счастье, Ева тоже, а вам бы все разрушить. Какого черта неймется? Зачем ко мне пришли? Чтобы выставить Еву дрянью? Вы считаете, она выскочила за вашего отца по расчету, а сейчас сбежала с любовником, так? (Но разве он мог слово вставить?) Тогда, если следовать вашей логике, скажите, в чем этот самый расчет? Расчетливый человек не убежит от денег, а Ева почему-то убежала.

– Да остановитесь, черт возьми, – не напирая, беззлобно, даже слегка прося, произнес он.

Но какова Альбина! Дерзкие глаза горели, как угли в мангале, щеки пылали, руки взлетали, прикованное к стулу тело двигалось, будто в ритуальном танце. Невольно Роман мысленно раздел ее и подумал: «Если она и в постели выдает такой же темперамент, тогда ой».

– С какой стати я должна останавливаться? – тем временем несло Альбину. – Вы пришли уличить Еву, а я хочу уличить вас, это мое полное право в моем доме. Вы затравили девчонку, обложили со всех сторон...

– Кто – мы?

– Вы и это ваше общественное мнение. Подумаешь, младше мужа на тридцать лет! Да будет вам известно, Гёте влюбился в восемнадцатилетнюю девчонку, когда ему исполнилось семьдесят пять...

– И не умер?

– Кто? – За доли секунды Альбина, готовясь к дальнейшей обвинительной речи, успела позабыть о великом поэте и его возлюбленной, поэтому не поняла, про кого спросил гость.

– Гёте.

– Конечно, умер, – в ажиотаже воскликнула Альбина и вдруг въехала в смысл, ведь до этого диалог она вела в одностороннем порядке, главное было защитить подругу. – То есть... он потом умер... То есть... Не морочьте мне голову! Где Ева?

Если бы до этой встречи ему показали портрет Альбины, ну и фигуру в другом одеянье, а не в грязном комбинезоне, и спросили, что он думает по поводу нее, Роман ответил бы: ого! И дополнил бы: эта шикарная женщина ездит в дорогих автомобилях и летает на тусовки в Европу, а портреты ее печатают в журналах, обязательно в разделе светской хроники. Но что данная модель из журнала не умеет себя вести, тараторит, как базарная баба, и не умеет слушать – ему не пришло бы в голову. А раз Альбина задала тон, то чего церемониться?

– Я спрашиваю: где Ева? – повторила она.

– Ваша Ева исчезла, – сказал он еще спокойно.

– Исчезла, ха! – взмахнула руками Альбина. – Может, это вы устроили ей исчезновение?

Кажется, она решила вывести его окончательно. Роман набычился:

– В каком смысле?

– В самом прямом. Держите ее где-нибудь взаперти, желая убедить отца, что она сволочь последняя...

– Вы перебираете. Ваша Ева меня интересуется лишь постольку, поскольку украли мою сестру. Сейчас я хочу выяснить, связано ли похищение моей сестры с пропажей Евы. А что касается обвинений, то... Да, я не люблю жену моего отца, – с удовольствием сказал он, предполагая, как взбесится подруга. – Потому что не верю ей...

– И зря, – перебила Альбина. – Это в вас говорит эгоцентризм, а Ева любит вашего отца и переживает, что вы его бросили.

– Стоп, стоп, вы далеко зашли. Прежде всего, мой отец бросил мать, с которой прожил десятки лет. Теперь она стала ему не нужна, потому что он вдруг влюбился как мальчик. Но Даниил Олегович не мальчик, а, простите, почти дедушка, обязан отвечать за свои поступки. Он хотел получить все, а так не бывает. Выбор, простите, сделал он. По-вашему, я и моя сестра должны были радоваться его счастью и добить мать, чтобы она слегла в гроб? Поставьте себя на место брошенной женщины, вы же художница, воображением обладаете. Как бы вы чувствовали себя? Но что бы вы ни сказали, я знаю реакцию, потому что боль и оскорбление все переживают одинаково. Хорошо, согласен пересмотреть свои взгляды, если только покажете мне дедушку, которого полюбила юная девочка просто так, потому что он – это он. Но чтобы дедушка был без денег, огромного дома, предприятий, машин, положения, а имел бы скромную квартиру, нуждающуюся в ремонте, и главное богатство – он сам с багажом прожитых лет и болезнями. Покажете? Хотя бы одного? Да не ройтесь в памяти, потому что примеров не найдете. Поэтому я не верю вашей Еве.

После монолога он пошел к выходу, но остановился, не все сказав:

– Что касается вас, то так рассуждать может либо совершенно бездушный человек, либо абсолютная дура без шансов поумнеть в ближайшее десятилетие. Кто вы есть – выбирайте сами.

– Являйтесь в чужой дом и оскорбляете? – понеслась за ним Альбина.

– Прием был на изумление «теплым», – бросил через плечо он. – Кстати, если Ева объявится, срочно сообщите мне...

– Да катитесь к черту, ничего я не буду вам сообщать.

– Значит, вы то и другое вместе, – выходя из квартиры, сказал он. – Хуже будет, если я найду ее сам и удостоверюсь в обмане, ей лучше не прятаться.

– Это угрозы? – взвилась оскорбленная Альбина, выскочив за ним на площадку. – Да как вы смеете?

– Я не вам угрожаю, а ей. – Спускаясь, Роман поднял голову. – Так и передайте Еве: в порошок сотру. А если и вы скрываете ее местонахождение, вас тоже сотру.

– Псих! – крикнула Альбина, перегнувшись через перила, после чего ушла в квартиру, плюхнулась на диван. – У него точно не все дома.

Но, провернув в уме диалог с Романом, она вынужденно признала, что действительно малость перебрала. Так ведь Еву жалко, в свое время намучилась она достаточно, чтобы получить право на счастье. Тем не менее монолог психа про папу с мамой был убедительным, не дураки же придумали пословицу «На чужом горе счастья не построишь». Но так уж повелось: своя рубашка ближе к телу, Ева не виновата.

– Куда же она делась? – проговорила Альбина в растерянности. – Уж мне-то Ева сказала бы, если бы надумала сбежать от мужа. Вздор. Никуда она не сбежала... В таком случае где она?

7

Прошла еще одна страшная ночь. Нет-нет, ничего не случилось, но утром Даниил Олегович понял, что в его возрасте переживания и бессонные ночи действуют губительно. С постели он поднялся вялым, разбитым, уставшим, будто всю ночь разгружал вагоны, хотя понятия не имел, как это – разгружать вагоны. А когда посмотрелся в зеркало перед бритьем, испугался и раскис: на него взирала пятидесятипятилетняя рожа, если не старше, на которой отразилось и количество выпитого. Раньше многие уверяли, будто выглядит он на сорок пять, да и чувствовал себя Даниил Олегович превосходно. Ну, случалось, давление подскакивало, мотор в груди сбивался с привычного ритма, а, в общем, срок годности не вышел. И вот здрастье вам: всего-то двое суток потраченных нервов, а налицо та самая старость, которой он не признавал и панически боялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.